

Государственное издательство географической литературы.

तीन समुंदर पार
अफ़नासी निकीतिन की यात्रा

१४६६ ~ १४७२

AFANASY NIKITIN'S VOYAGE BEYOND THREE SEAS

1466 ~ 1472

Хожение за три моря Афанасия Никитина

1466–1472 гг.

Государственное издательство
географической литературы
·Географгиз·

Москва
1960

ХУДОЖНИКИ КНИГИ:

Заслуженный деятель искусств РСФСР

Д. Н. БУТОРИН

и

Б. М. НЕМТИНОВ

Троицкий список

XVI в.

*Текст Троицкого списка и перевод его
на современный русский язык
даны по книге
„Хожение за три моря Афанасия Никитина".
Издательство Академии наук СССР,
М. — Л., 1958.*

За молитву святыхъ отець нашихъ, господи Ісусе Христе, сыне божій, помилуй мя раба своего грѣшнаго Афонасья Микитина сына. Се написах грѣшьное свое хоженіе за трі моря: прьвое море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа; второе море Индѣйское, дорія Гондустаньскаа; третье море Черное, дорія Стемъбольскаа. Поидохъ отъ святаго Спаса златоверхаго съ его милостью, от великого князя Михаила Борисовичя и от владыкы Генадія Твѣрьскыхъ, поидох на низъ Волгою и приидохъ в манастырь къ святѣй живоначалной Троици и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу; и у игумена ся благословивъ у Макарія братьи; и с Колязина поидох на Углечь, со Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь великі отпустилъ мя всея Руси доброволно. И на Плесо, въ Новъгородъ Нижней к Михаилу къ Киселеву к намѣстьнику и къ пошьлиннику Ивану Сараеву пропустили доброволно. А Василей Папин

проехалъ въ городъ, а язъ ждалъ в Новѣгородѣ двѣ недели посла татарьскаго ширвашина Асамъбѣга, а ехал с кречаты от великаго князя Ивана, а кречатовъ у него девяносто. И поехал есми с нимъ на низъ Волгою. И Казань есмя, и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Березаны проехали есмя доброволно. И въехали есмя въ Бузанъ рѣку. И ту наехали нас три татарины поганыи и сказали нам лживыя вѣсти: Каисымъ солтанъ стережет гостей въ Бузанi, а с нимъ три тысячи тотаръ. И посолъ ширвашинъ Асанбѣгъ далъ имъ по однорятки да по полотну, чтобы провели мимо Азътарханъ. И они по однорятки взяли, да вѣсть дали в Хазъторохани царю. И язъ свое судно покинулъ да полѣзъ есми на судно на послово и с товарищи. Азътарханъ по мѣсяцу ночи парусом, царь насъ видѣл и татаровѣ намъ кликалi: «Качьма, не бѣгайте!»

И царь послалъ за нами всю свою орду. И по нашим грѣхомъ нас постигли на Бугунѣ, застрелили у нас человѣка, а мы у нихъ дву застрелили; и судно наше меншее стало на езу, и оны его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь вся в меншемъ суднѣ. А болшимъ есмя судном дошли до моря, ино стало на усть Волгы на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взадъ тянӯли до езу. И тутъ судно наше болшее взяли, і 4 головы взяли русские, а нас отпустили голими головами за море, а вверьх насъ не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя к Дербеньти двѣма суды: в одномъ суднѣ посол Асамъбѣгъ, да тезики, да русаковъ насъ 10 головами; а в другомъ суднѣ 6 москвичь да 6 тверичь. И въстала фуръстовина на морѣ, да судно меншее разбило о берегъ, и пришли каитаки да людей поимали всѣхъ. И пришлі есмя в Дерьбенть. И ту Ва-

силей поздорову пришелъ, а мы пограблены. И билъ есми челом Василью Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмя с нимъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людех, что ихъ поимали под Тархы кайтаки. И Осанбѣгъ печаловался и ездилъ на гору к Бултабѣгу. И Булатъбѣгъ послалъ скоро да къ ширваншѣбѣгу: что судно руское разбило под Тархи, и кайтакы пришедъ людей поимали, а товаръ их розъграбили. А ширваншабѣгъ того часа послалъ посла к шурину своему Алильбегу кайтаческому князю, что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ и товаръ их собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тобѣ будет надобетъ бѣ у меня, и ты ко мне пришли, и язъ тобѣ, своему брату, за то не стою и ты бы их отпустилъ

доброволно меня дѣля. И Алильбѣгъ того часа отослалъ людей всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их къ ширванши въ-рду его коитулъ. А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя ему челомъ, чтобы нас пожаловалъ, чѣм доити до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы заплакавъ да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные осталися в Шамахѣе, а иные пошли работать к Бакѣ. А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы; а изъ Бакі пошелъ есми за море к Чебокару, да тутъ есми жил въ Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня Алеевых детей и внучатъ Махметевых, и онъ их про-

клялъ, ино 70 городовъ ся розвалило. А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми былъ мѣсяць. А изъ Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А из Диесъ къ Сырчану, а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома къ Лару, а изъ Лара к Бендерю. И тутъ есть пристанище Гурмызьское, и тутъ есть море Индейское, а парьсейскым языкомъ и Гондустаньскаа дорія; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили. А Гурмызъ есть на островѣ, а ежедень поимаеть его море по двожды на день. И тутъ есми взялъ 1 Великъ день, а пришел есми в Гурмызъ за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы не всѣ писалъ, много городовъ великихъ. А в Гурмызѣ есть варное солнце, человѣка съжжеть. А въ Гурмызѣ былъ есми мѣсяцъ, а изъ Гурмыза пошелъ есми за море Индѣйское, по Велице дни в Фомину недѣлю, в таву, с коньми. И шли есмя моремъ до Мошката 10 дни; а от Мошката до

Дѣгу 4 дни; от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбату, а тутъ ся родить краска да лекъ. А отъ Канбата к Чивилю, а от Чивиля есмя пошли в семую недѣлю по Велицѣ дни, а шли есмя в тавѣ 6 недѣль моремъ до Чивиля. И тутъ есть Индѣйскаа страна, и люди ходять нагы всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, дѣти родять на всякый год, а детей у нихъ много, а мужы и жены всѣ черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку. А князь их — фота на головѣ, а другаа на бедрах; а бояре у них ходять — фота на плещѣ, а другыя на бедрах, а княгыни ходять — фота на плечемъ обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярьскыя — фота на бедрахъ обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с лукы и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходят голова не покрыта, а груди голы;

а паропкы да девочкы ходят нагы до 7 лѣтъ, а сором не покрытъ. А изъ Чювиля пошли есмя сухомъ до Пали 8 дни до индѣйскыя горы. А отъ Пали до Умри 10 дни, то есть городъ индѣйский. А отъ Умри до Чюнейря 6 дний, и тут есть Асатъхан Чюнерьскыя индѣйскыя, а холопъ Меликътучяровъ, а держить, сказывають, седмь темь отъ Меликтучара. А Меликтучаръ сѣдит на 20 тмахъ; а бьется с кафары 20 лѣт есть, то его побиють, то онъ побивает ихъ многажды. Ханъ же езди на людех, а слоновъ у него и коний много добрых, а людей у него много хорозанцевъ; а привозять их изъ Хоросаньскыя земли, а иныя из Орабаньскыя земли, а иныя ис Тукърмескыя земли, а иныя ис Чеготаньскыя земли, а привозять все моремъ въ тавах, Индѣйскыя земли корабли. И язъ грѣшный привезлъ жеребьца в Ындѣйскую

Отъезд Афанасия Никитина из Твери. *Худ. Д. Буторин.*
अ० निकीतिन का त्वेर से प्रस्थान
Afanasy Nikitin leaves Tver.

землю, дошел есми до Чюнеря богъ дал поздорову все, а стал ми сто рублевъ. Зима же у них стала с Троицина дни. А зимовали есмя в Чюнѣйрѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и нощь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орють да сѣють пшеницу, да тутурганъ, да ногут, да все съястное. Вино же у нихъ чинять в великых орѣсех кози гундустаньскаа; а брагу чинят въ татну, кони кормять нохотом, да варять кичирисъ с сахаромъ да кормять кони, да с масломъ, порану же дають шьшени. Во Индѣйской же земли кони ся у нихъ не родят, въ ихъ земли родятся волы да буволы, на тѣхъ же ѣздѣть и товаръ иное возять, все дѣлають. Чюнеръ же град есть на острову на каменомъ, не дѣланъ ничим, богомь сътворенъ; а ходять на гору день по единому человѣку, дорога тѣсна, поити нелзя. Во Индѣйской земли гости ся ставять по подворьемь, а ѣсти варять на гости господарыни, и постелю стелять, и спять с гостьми,

сикишь илересънь ду житель берсень, достурь авратъ чектуръ а сикишь муфутъ любять бѣлых людей. Зимѣ же у них ходять люди фота на бедрах, а другаа на плещем, а третья на головѣ; а князи и бояря тогда въздевають на собя портки, да сорочицу, да кавтанъ, да фота по плечемъ, да другою ся опояшеть, а третьею фотою главу обертить; а се оло, оло, абрь оло акъ, оло керимъ, оло рагымъ. А в томъ Чюнерѣ ханъ у меня взял жерепца, а увѣдал, что яз не бесерменинъ, русинъ, и онъ молвит: «И жерепца дам, да тысячю золотых дам, а стань в вѣру нашу в Махмѣт дени; а не станешь в вѣру нашу в Махмет дени, и жерепца возму и тысячю золотыхъ на главѣ твоей возму». А срокъ учинил на 4 дни, въ говѣйно успении на Спасовъ день. И господь богъ смиловася на свой честный праздникъ, не отстави от меня милости своея грешнаго и не по-

велѣ погыбнути въ Чюнерѣ с нечестивымі; и канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанець, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ; и он ѣздилъ к хану в город, да мене отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взялъ. Таково господарево чюдо на Спасовъ день! Ино, братья русьстіи християне, кто хочеть поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну Махмета, да поиди в Густаньскую землю. Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣло на бесермьньскую землю, перець да краска, то дешево; ино возят аче моремъ, иныи пошлины не дають. А люди иные намъ провести пошлины не дадут, и пошлины много, а разбойников на море много. А розбивають все кофары, ни крестіяне, ни бесерьмена; а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знають. А ис Чюнеря есмя вышли

на Успение Пречистые к Бедерю к большему ихъ граду. А шли есмя мѣсяць; а отъ Бедеря до Кулонкеря 5 дний; а отъ Кулонгеря до Кельбергу 5 дни. Промежю тѣхъ великых градовъ много градовъ; на всякъ день по три грады, а на иной день и 4 грады; колко ковъвъ, толко градов. А отъ Чювиля до Чюнейря 20 ковов, а отъ Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а отъ Бедеря до Колуньгеря 9 ковов, а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов. В Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да камкы, на шелкъ и на всякой иной товаръ, да купити в нем люди черныя; а иныя в немъ купли нѣтъ. Да все товаръ их гундостаньской, да соястной все овощь, а на Русьскую землю товара нѣтъ. А все черныя, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдь, да тать, да ложь, да зельи, господаря морять. Во Индѣйской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоросанци; а гу-

ндустанци все пѣшиходы, а ходят борзо, а все нагы да босы, да щитъ в руцѣ, а в другой мечь, а иныя слугы с великими с прямимы лукы да стрелами. А бой их все слоны, да пѣшихъ пускають наперед, хоросанци на конехь да в доспѣсехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжуть к рылу да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да оболочат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городъкы, да и в горотъкѣ по 12 человѣкъ в доспѣсех, да все с пушками да стрелами. Есть у них одно мѣсто, шихбъ Алудинъ пiръ атыръ бозаръ алядинандъ, на год единъ бозаръ, съѣждается вся страна Индѣйская торговати, да торгують 10 дний; от Бедеря 12 ковов, приводять коней до 20 тысящь продають, всякый товаръ свозять; во Гондустаньской земли той торгъ лучшiй, всякый товаръ продають, купят,

на память шиха Аладина, на руськый праздникъ на Покровъ святыя богородица. Есть в томъ Алянде и птица гукукъ, летает ночи, а кличеть «гукукъ». А на которой хороминѣ сѣдить, то тут человѣкъ умреть; а къто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамонь ходят ночи да имають куры, а живуть въ горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живуть по лесу, да у них есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею, да кто их заимаеть, и они ся жалують князю своему, и онъ посылаеть на того свою рать, и они, пришедъ на град, и дворы разволяють и людей побьють. А рати ихъ, сказывають, велми много, и языкы их есть свои, а детей родять много; да которой родится не в отца, не в матерь, ини тѣх мечють по дорогамъ; ины гондустанци тѣх имают да учать их всякому рукодѣлью, а иных прода-

ють ночи, чтоб взад не знали побѣжати, а иных учат базы миканетъ. Весна же у них стала с Покрова святыя богородица; а празднують шиху Аладину и веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну держать 3 мѣсяца, а лѣто 3 месяца, а зиму 3 мѣсяца, а осень 3 мѣсяца. В Бедери же их столъ Гундустану бесерменьскому. А град есть великъ, а людей много велмии; а салтан великъ 20 лѣт, а держать бояре, а княжат фарасанци, а воюють все хоросанци. Есть хоросанець Меликтучаръ бояринъ, ино у него рати двѣсте тысячь, а у Мелик-хана 100 тысячь, а у Харат-хана 20 тысячь; а много тех хановъ по 10 тысячь рати. А с салтаном выходят 300 тысяч рати своей. А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ и пышны велми; а все их носять на кровати своеих на сребряных, да пред ними водят кони въ снастех

золотых до 20; а на конехъ за ними 300 человѣкъ, а пѣших 500 человѣкъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирѣлниковъ 10 человѣкъ. Султан же выещаеть на потѣху с матерью да с женою, ино с ним человѣковъ на конех 10 тысящь, а пѣшихъ 50 тысящь, а слоновъ водят 200 наряженых в доспѣсѣх золочоных, да пред ним 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да коней простых 300 въ снастех золотых, да обезьянъ за ним 100, да блядей 100, а все гаурыкы. В султанов же дворъ 7-ры ворота, а в воротѣх сѣдят по 100 сторожевъ да по 100 писцевъ кофаровъ; кто поидеть, ини записываюдь, а кто выйдет, ини записываюдь; а гариповъ не пускаюдь въ град. А дворъ же его чюденъ велми, все на вырезѣ да на золотѣ, и послѣдний камень вырѣзанъ да золотомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него

суды розныя. Городъ же Бедерь стерегутъ в нощи тысяча человѣкъ кутоваловых, а ѣздять на конех да в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю. А язъ жерепца своего продал в Бедери, да наложилъ есми у него 60 да и 8 футуновъ, а кормилъ есми его годъ. В Бедери же змии ходят по улицам, а длина ея двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговѣйне о Филиповѣ ис Кулонгѣря и продах жеребца своего о Рожествѣ, и тут бых до великого заговейна в Бедери и познася со многыми индѣяны и сказах имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ исаяденіені есмь християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учали ся отъ меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти. Да о вѣрѣ же о их распытах все, і оны сказывают: вѣруем въ Адама,

а Буты, кажуть, то есть Адамъ и род его весь. А вѣръ въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры, а все вѣрують в Бута; а вѣра с вѣрою ни пиеть, ни ястъ, ни женится, а иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вѣра. В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьскыи Мягъкат, дѣ их бутхана. Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць, и торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ Бутъ чюдеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое человѣческым образомъ являлся; другое человѣкъ, а носъ слоновъ; третье человѣкъ, а виденье обезьанино; въ четвертые человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, являлся имъ все съ хво-

стом, а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень. К бухану же съезжается вся страна Индѣйскаа на чюдо Бутово; да у бутханы бреются старыя жонки и дѣвки, а бреють на собѣ всѣ волосы, и бороды, и головы, да поидуть к бутхану; да со всякыя головы емлють по двѣ шекшени пошлини на Бута, а с коней по четыре футы; а съѣжшается к бухану всѣхъ людей бысть азаръ лекъ вахтъ башетъ сат азаре лекъ. В буханѣ же Бутъ вырѣзанъ ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, акы Устьянъ царь Царяградскы, а в лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино, а иныя Буты нагы, нѣт ничево, кот ачюк, а жонкы Бутавы нагы вырезаны и с соромомъ, и з детми, а перет Бутом же стоитъ волъ велми великъ, а вырезанъ ис камени ис чернаго, а весь позолочен,

а цѣлують его въ копыто, а сыплют на него цвѣты, и на Бута сыплют цвѣты. Индѣяне же не ядят никоторого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы ни свинины, а свиней же у них велми много; а ядят же днем двожды, а ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыдны; а с бесермены не піють, ни ядять. А ѣства же их плоха, а одинъ съ-дним ни піеть, ни ясть, ни с женою; а ядят брынець, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, все рукою правою, а левою не примется ни за что; а ножа не держать, а лъжици не знають; а на дорозѣ кто же собѣ варит кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермян скрыются, чтобы не посмотрилъ ни в горнець, ни вь яству; а посмотрил бесерменинъ на ѣству, і онъ не ястъ, а ядять иные, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ его. А намазъ же их на востокъ по-руськы, обе рукы

Нападение татар на судно русских купцов. *Худ. Д. Буторин.*
रूसी सौदागरों के जहाजों पर तातारों का आक्रमण
Tartars raid the ships of the Russian merchants.

подымаютъ высоко, да кладутъ на тѣмя, да ложатся ниць на земли, да все ся истягнетъ по земли, то их поклоны. А ясти же садятся, ини омываютъ рукы да и ногы, да и ротъ пополаскываютъ. А бутханы же их безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умретъ, ини тѣх жгут да пепел сыплютъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабитъ мужь, а имя сыну даетъ отець а дочери мати; а добровтра у них нѣтъ, а сорома не знаютъ. Или пришел, ины ся кланяютъ по чернечьскы, обе рукы дотычютъ до земли, а не говоритъ ничево. К Первотѣ же яздять о великомъ заговѣйне, къ своему Буту, тотъ их Іерусалимъ, а по-бесерменьскыи Мякъка, а порускы Ерусалимъ, а по-индѣйскыи Парватъ. А съеждаются всѣ нагы, только на гузне платъ; а жонкы всѣ нагы, толко на гузне

фота, а иныя в фотах, да на шиях жемчюгъ, много яхонтовъ, да на рукахъ обручи да перстьни златы олло оакъ, а внутрь к Бутхану яздять на волех, да у вола рога окованы мѣдью, да на шие колоколцевъ 300, да копыта подкованы; а тѣ волы ачьче зовут. Индѣяне же вола зовуть отцемъ, а корову матерью, а каломъ ихъ пекут хлѣбы и ѣству варять собѣ, а попеломъ тѣмъ мажуться по лицу, и по челу, и по всему тѣлу ихъ знамя. В недѣлю же да в понедѣлникъ ядять единожды днемъ. В Ындѣе же какъ пачекъ-туръ, а учюзе-дерь: сикишь иларсень ики шитель; акечаны иля атырьсеньатле жетель берь; булара досторъ: а кулъ каравашь учюзъ чар фуна хубъ бемъ фуна хубесия; капкара амь чюкъ кичи хошь. От Первати же приехал есми в Бедерь, за 15 дни и до бесерменьскаго

улубагря. А Великого дни въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтамъ гадаю — Великый день бываеть хрестьяньскы первие бесерьменьскаго багрима за 9-ть день, или за 10 дни. А со мною нѣтъ ничево, никакоя книгы, а книгы есмя взяли с собою с Руси; ино коли мя пограбили, ини их взяли, и язъ позабылъ вѣры хрестьяньскыя всея и праздниковъ хрестіаньскых, ни Велика дни, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятници не знаю; а промежу есми вѣръ тангрыдань истремень олъсакласынъ; олло худо, олло акъ, олло ты, олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло, олло каримелло, танъ танъгрысень, худосеньсень. Богъ единъ то царь славы, творець небу и земли. А иду я на Русь, кетьмышьтыръ имень, уручь тутъ тымъ. Месяць март прошелъ, и азъ месяць мяса есмь не ялъ, заговѣлъ с бесермены в недѣлю, да говѣл есми

ничево скоромнаго, никакыя ястъвы бесерменьскыя, а ялъ есми все по двожды днемъ хлѣбъ да воду, вратыйял ятъ мадымъ; да молился есми богу вседержителю, кто сътворилъ небо и землю, а иного есми не призывал никоторово имени, богъ олло, богъ керимъ, богъ рагымъ, богъ худо, богъ акъ беръ, богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло сеньсень олло ты. А от Гурмыза ити моремъ до Голатъ 10 дни, а от Калаты до Дѣгу 6 дни, а от Дѣга до Мошката до Кучьзрята до Комбата 4 дни, отъ Камбата до Чивеля 12 дни, а отъ Чивиля до Дабыля — 6. Дабыль же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А от Дабыля до Колекота 25 дни, а от Селекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шибаита мѣсяць ити, а отъ Сибата до Певгу 20 дни, а отъ Певгу до Чини да до Мачина месяць итьти,

моремъ все то хожение. А от Чини да до Кытаа итьти сухом 6 месяць, а морем четыре дни ити, аросто хода чотом. Гурмызъ же есть пристанище великое, всего свѣта люди въ немъ бываюгь, и всякы товаръ въ немъ есть, что на всемъ свѣте родится, то в Гурмызѣ есть все; тамга же велика, десятое со всего есть. А Камбаятъ же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи, да пестреди, да канъдаки, да чинятъ краску ниль, да родится въ немъ лекъ да ахыкъ да лонъ. Дабыло же есть пристанище велми велико, и привозять кони изъ Мисюря, изъ Рабаста, изъ Хоросани, ис Туркустани, изъ Негостани да ходять сухомъ месяць до Бедери да до Кельбергу. А Келекотъ же есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не дай богъ никакову кестяку. А кто его ни увидить,

тотъ поздорову не проидеть моремъ. А родится в немъ перець, да зеньзебиль, да цвѣт, да мошкать, да калафуръ, да корица, да гвозникы, да пряное коренье, да адрякъ, да всякого коренья родится в нем много. Да все въ немъ дешево, да кулъ да каравашь письяръ хубь сія. А Силян же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ баба Адамъ на горѣ на высоцѣ, да около его родится каменье драгое, да червьци, да фатисы, да бабогури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада, да слоны родятся, да продають в локоть, да девякуши продають в вѣсъ. А Шабаитьское пристанище Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцемъ дають алафу по тенкѣ на день, и великому и малому; а кто в немъ женится хоросанець, и князь шабатьской даеть по тысячи тенекъ на жертву, да на олафу, да ѣсть

Базар в Ормузе. *Худ. Б. Немтинов.*
होरमूज़ का बाज़ार
Market in Hormuz.

на всякый месяць по десяти денек; да родится в Шаботе шелкъ, да сандал, да жемчюгъ, да все дешево. А въ Пегу же есть пристанище немало, да все в нем дербыши живуть индѣйскыя, да родится въ немъ камѣние дорогое, маникъ, да яхут, да кырпукъ; а продають же камение дербыши. А Чиньское же да Мачиньское пристанище велми велико, да дѣлають в немъ чини, да продають чини в вѣсъ, а дешево. А жены же их с мужи своими спять в день, а ночи жены их ходять к гарипомъ да спять с гарипы, дают имъ олафу, да приносять с собою яству сахорную да вино сахарное, да кормять да поять гостей, чтобы ее любилъ, а любять гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми; а у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужь даеть алафу; а родится бело, ино гостю пошлины 18 тенекъ;

а черно родится, ино ему нѣтъ ничево, что пил да ѣлъ, то ему халялъ. Шаибать же отъ Бедеря 3 месяци, а от Дабыля до Шаибата 2 месяца моремъ итьти, Мачимъ да Чимъ от Бедеря 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣлають чими да все дешево; а до Силяна 2 месяца моремъ итьти. В Шабаите же родится шелкъ, да инчи, да жемчюгъ, да сандалъ; слоны продають в локоть. В Силяне же родится аммоны, да чрьвци, да фатисы. В Лекоте же родится перець, да мошкат, да гвоздники, да фуфалъ, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да люкъ. Да в Камбатѣ родится ахикъ. В Рачюре же родится алмазъ биркона да новъкона же алмазъ; продають почку по пяти рублевъ, а доброго по десяти рублевъ, новаго же почка алмазу пѣнечь чекени, сія же чаршешкени, а сипитъ екъ тенка. Алмазъ же родится в горѣ

каменой, а продають же тую гору каменую по двѣ тысячи фунтовъ золотых новаго алмазу, а кона алмазу продають в локоть по 10 тысячь фунтовъ золотых. А земля же тоя Меликханова, а холопъ салтановъ, а от Бедеря 30 кововъ. А сыто жидове зовуть Шабатъ своими жидовы, а то лжут; а шабаитене ни жидове, ни бесермена, ни христиане, инаа вѣра индейскаа, ни с худы, ни зъ бесермены ни піють ни ядять, а мяса никакого не ядять. Да в Шабатѣ же все дешево, а родится шелкъ да сахаръ велми дешево; да по лесу у них мамоны да обезьяны, да по дорогамъ людей дерут; ино у нихъ ночи по дорогамъ не смѣють ѣздити обезъянъ дѣля да момонъ дѣля. А отъ Шаибата же 10 месяць сухомъ итьти, а моремъ 4 месяца аукиковъ. А оленей окормленныхъ рѣжуть пупы, а пупъ в немъ мускусъ родится; а ди-

кыи олені пупькы ис собя ронять по полю и по лесу, ино ис тѣх воня выходить, да ѣсть то тоть не свѣжь. Месяца маа Великій день взялъ есми в Бедере бесерменьскомъ и в Гондустани; а в бесермене баграмъ взяли въ среду месяца маа; а заговѣлъ есми месяца априля 1 день. О благовѣрныи христіяне! Иже кто по многым землямъ много плаваеть, въ многыя грѣхы впадаеть и вѣры ся да лишаеть христианские. Азъ же, рабище божие Афонасие, и сжалися по вѣрѣ; уже проидоша четыре великыя говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Великый день, или говѣйно, ни Рожества Христова нѣ вѣдаю, ни иныхъ праздниковъ не вѣдаю, ни среды, ни пятници не вѣдаю; а книгъ у меня нѣтъ, коли мя пограбили, ини книгы взяли у мене, азъ же от многыя беды поидох до Индѣи, занже ми на Русь поити нѣ с чѣмъ, не

осталося товару ничево. Пръвый же Великъ день взял есми в Каинѣ, другой Великъ день в Чебукару в Маздраньской земли, третий Великый день в Гурмызѣ, четвертый Великый день въ Индѣи с бесермены въ Бедери; и ту же много плакахъ по вѣрѣ по хрестьяньской. Бесерменинъ же Мелик, тотъ мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Азъ же ему рекохъ: «Господине! Ты намаръ кыларесенъ менда намазъ киларьменъ, ты бешь намазъ киларьсизъменда 3 калаременьмен гарипъ асень иньчай»; онъ же ми рече: «Истину ты не бесерменинъ кажешися, а хрестьаньства не знаешь». Аз же въ многыя помышления впадохъ и рекох себѣ: «Горе мнѣ окаанному, яко отъ пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже самъ поиду. Господи боже вседержителю, творець небу и земли! Не отврати лица отъ рабища твоего, яко скорбь

близъ есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, господи, от пути истиннаго и настави мя, господи, на путь твой правый, яко никоея же добродѣтели в нужи той сотворих тебѣ, господи мой, яко дни своя преплых все во злѣ, господи мой, олло перводигерь, олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, каримъ олло, рагымелло; ахалимъ дулимо». Уже проидоша 4 Великыя дни в бесерменьской земли, а христианства не оставихъ; далѣ богъ ведаеть, что будеть. Господи боже мой, на тя уповахъ, спаси мя господи боже мой! Во Индѣи же бесерменьской, в великомъ Бедери, смотрилъ есми на Великую ночь на Великый же день — волосыны да кола в зорю вошьли, а лось головою стоит на восток. На баграмъ на бесерменьской выехал султанъ на теферичь, ино с нимъ 20 възыревъ великых, да триста слоновъ наряженых в булатных

в доспѣсех да с горотки, да и городки окованы, да в гороткѣх по 6 человѣкъ в доспѣсех, да с пушками да с пищалми; а на великомъ слонѣ 12 человѣкъ, на всякомь слонѣ по два проборца великых, да къ зубомъ повязаны великыя мечи по кентарю, да к рыломъ привязаны великыя желѣзныя гыры, да человѣкъ сѣдить в доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него в руках желѣзной великы, да тѣмъ его править; да коней простыхъ тысяча въ снастѣхъ золотых, да верблюдовъ сто с нагарами, да трубникъвъ 300, да плясцевъ 300, да ковре 300. Да на султанѣ ковтанъ весь саженъ яхонты, да на шапкѣ чичакъ олмазъ великы, да сагадакъ золот со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, да седло золото, да перед нимъ скачет кофаръ пѣшь да играеть теремьцемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за ним благой слонъ идеть, а весь в ка-

мкѣ наряжанъ, да обиваеть люди, да чепь у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступилъ блиско. А братъ султановъ тот сидит на кровати на золотой, да над нимъ теремъ оксамитенъ, да маковица золота со яхонты, да несуть его 20 человѣкъ. А махтумъ сидит на кровати на золотой, да над ним теремъ шидянъ с маковицею золотою, да везутъ его на 4-хъ конехъ въ снастехъ золотыхъ; да около людей его много множество, да перед нимъ пѣвци, да плясцевъ много, да всѣ с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сулицами, да с копiи, да с луки с прямыми с великими, да кони всѣ в доспѣсехъ, да сагадакы на них, да иныа нагы всѣ, одно платище на гузнѣ, соромъ завѣшенъ. В Бедери же месяць стоить 3 дни полон. В Бедери же сладкаго овощу нѣтъ. В Гу-

ндустанѣ же силнаго вара нѣтъ; силно варъ в Гурмызѣ да в Катобагряимъ, гдѣ ся жемчюгъ родить, да в Жидѣ, да в Бакѣ, да в Мисюрѣ, да въ Остани, да в Ларѣ; а въ Хоросаньской земли варно, да не таково; а в Чеготани велми варно; а в Ширязѣ, да въ Езди, в Кашини варно да вѣтръ бывает, а в Гиляни душьно велми да парищо лихо, да въ Шамахѣи паръ лихъ; да в Вавилони варно, да Хумитѣ да в Шамѣ варно, а в Ляпѣ не такъ варно. А в Севастѣи губѣ да в Гурзыньской земли добро обилно всѣм; да Торьскаа земля обилна вельми; да в Волоской земли обилно и дешево все съѣстное; да Подольскаа земля обилна всѣм; а урусь ерь таньгры сакласынъ; олло сакла, худо сакла, будоньяда мунукыбит ерь ектуръ; нечикъ урсу ери бегъляри акай тусил; урусь ерь абадан больсынъ;

расте кам деретъ. Олло, худо, богъ, богъ данъгры. Господи боже мой! На тя уповахъ, спаси мя господи! Пути не знаю, иже камо поиду изъ Гундустана: на Гурмызъ поити, а от Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ, ни на Чеготай пути нѣтъ, ни на Катобагряим пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣту. То вездѣ булгакъ сталъ; князей вездѣ выбыли, Яишу мурзу убилъ Узуосанъбекъ, а Солтамусаитя окормили, а Узуасанъбекъ на Ширязи сѣлъ и земля ся не обрѣнила, а Едигерь Махмет, а тотъ къ нему не ѣдѣтъ, блюдется; иного пути нѣтъ никуды. А на Мякъку поити, ино стати в вѣру бесерменьскую, зань же христіане не ходят на Мякъку вѣры дѣля, что ставять в вѣру. А жити в Гундустанѣ, ино вся собина исхарчити, зань же у них все дорого: одинъ есми

Прибытие Афанасия Никитина в Индию. *Худ. Б. Немтинов.*
अ० निकीतिन का भारत में आगमन
Afanasy Nikitin arrives in India.

человѣкъ, и язъ по полутретія алтына на день харчю идеть, а вина есми не півалъ, ни сынды. Меликтучаръ два города взял индѣйскыя, что розбивали по морю Индѣйскому, а князей поимал 7 да казну их взял, юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу да кирпуковъ, да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчислено рать взяла; а стоялъ подъ городомъ два году, а рати с нимъ два ста тысяч, да слонов 100, да 300 верьблюдов. Меликтучаръ пришелъ съ ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-руському на Петровъ день. И султанъ послалъ 10 възыревъ стрѣтити его за десять ковов, а въ ковѣ по 10 верстъ, а со всякым возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсехъ. А у Миктучара на всякъ день садится за суфрею по 5 сотъ человѣкъ, а с нимъ садится 3 възыри за его скатерьтью, а с возыремъ

по пятидесят человѣкъ, а его 100 человѣкъ бояриновъ вшеретных. У Меликтучара на конюшне коней 2 тысящи да тысяча осѣдланых и день и ночь стоятъ готовых, да 100 слоновъ на конюшне; да на всякую ночь дворъ его стерегуть 100 человѣкъ в доспѣсех, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ, да по 10 бубновъ великых по два человѣка биють. Мызамлылкъ, да Мекханъ, да Фаратхань, а тѣе взяли 3 городы великыи, а с ними рати своей 100 тысячь да 50 слоновъ, да камени всякого дорогого много множьство; а все то камение да яхонты да олъмазъ покупили на Меликтучара, заповѣдал дѣляремъ, что гостемъ не продати, а тѣе пришли от Оспожина дни к Бедерю граду. Султанъ выежжаеть на потѣху в четвергъ да во вторник, да три с ним возыры выещаютъ; а брат выежжает султанов

в понедѣльникъ, с матерью да с сестрою; а жонъкъ 2 тысячи выежжаеть на конех да кроватех на золотыхъ да коней пред нею простых сто въ снастех золотых, да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 възыреней, да 50 слоновъ в попонах сукняных, да по 4 человѣкы на слонѣ сѣдят нагых, одно платище на гузне, да жонкы пѣшие нагы, а тѣе воду за ними носять пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пиет. Меликтучаръ выехал воевати индѣянъ с ратию своею изъ града Бедеря на память шиха Иладина, а по-русскому на Покровъ святыя богородица, а рати с нимъ вышло 50 тысяч; а султан послал рати своей 50 тысяч да 3 с ним возыри пошли, а с ними 30 тысяч, да 100 слоновъ с ними пошло з городкы да в доспѣсехъ, а на всякомъ слонѣ по 4 человекы с пищалми. Меликтучаръ пошел

воевати Чюнедара великое княжение Индѣйское. А у Бинедарьскаго князя 300 слоновъ да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него. Султанъ выехал из города Бедеря въ 8-и месяць по Велице дни, да с ним възыревъ выехало 20 да 6 възыревъ, 20 възыревъ бесерменьскыхъ, а 6 възыревъ индѣйскых. А с султаномъ двора его выехало 100 тысяч рати своей коных людей, а 200 тысяч пѣших да 300 слоновъ с городкы да в доспѣсехъ, да 100 лютых звѣрей о двою чепѣх. А с братом с султановым вышло двора его 100 тысяч конных, да 100 тысяч пѣших людей, да 100 слоновъ наряжаных в доспѣсехъ. А за Малханом вышло двора его 20 тысяч коных людей, а пѣших шестьдесять тысяч, да 20 слоновъ наряжаных. А зъ Бедерьханомъ вышло 30 тысячь конныхъ людей, да з братом, да пѣших 100 тысяч, да слоновъ 25 наряжа-

ных с горотки. А с султаном вышло двора его 10 тысяч конных, а пѣших дватцат тысящ, да слоновъ 10 с городкы. А з Возырханомъ вышло 15 тысяч конных людей, да пѣших 30 тысяч, да слоновъ 15 наряженых. А с Кутарханом вышло двора его 15 тысяч конных людей, да пѣших 40 тысяч, да 10 слоновъ. А со всяким възыремъ по 10 тысяч, а с ыным по 15 тысяч коных, а пѣших 20 тысяч. А с ындѣйскым авдономомъ вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣших людей 100 тысяч, да 40 слоновъ наряжаных в доспѣсех, да по 4 человѣкы на слонѣ с пищальми. А с сулътаномъ вышло возыревъ 26, а со всякым возырем по 10 тысячь, а с ынымъ възырем 15 тысяч конных людей, а пѣших 30 тысяч. А индѣйскыя 4 возыри великых, а с ними рати своей по 40 тысяч конных людей, а пѣших 100 тысяч.

И султанъ ополѣлся на индѣянъ, што мало вышло с ним, и онъ еще прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, двѣстѣ тысяч конных людей, да 20 слоновъ. Такова сила султана индѣйскаго бесерменьскаго Маметь дени іаріа, а растъ дени худо доносит. А правую вѣру богъ вѣдаеть, а праваа вѣра бога единаго знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту. Въ пятый же Великый день възмыслилъ ся на Русь. Изыдохъ же из Бедеря града за месяць до улубаграма бесерменьского Маметь дени росолял, а Велика дни христьаньскаго не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣйно же ихъ говѣхъ с бесермены, и розговѣвся с ними, Великый день взях в Келберху от Бедеря 20 кововъ. Султанъ же пришелъ до Меликъту чара с ратию своею 15 день по улубагрямѣ, а все Кельбергу; и война ся имъ не удала,

одинъ городъ взяли индѣйской, а людей много изгыбло, и казны много истеряли. А индѣйской же султан кадамъ велми силенъ, и рати у него много, а сидить в горѣ в Биченѣгирѣ. А град же его велми великъ, около его три ровы, да сквозѣ его рѣка течеть; а со одну сторону его женьгѣль злый, и з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону приити нѣкуды, сквозѣ град дорога, а града взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень. Под городом же стояла рать месяць, и люди померли съ безводія, да головъ много велми изгыбло с голоду да с безводоци; а на воду смотрить, а взять нѣкуды. Град же взялъ индѣйскы Меликъчан ходя, а взял его силою, день и ночь билъ ся съ городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пушками; а рати его изгыбло 5 тысяч люду

добраго, и город взял, ины высѣкли 20 тысяч поголовія мужескаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенекъ, а иную по 5 тенекъ, а робята по 2 теньки, а казны же не было ничево, а болшаго града не взял. А отъ Кельбергу поидох до Курули; а в Курули же родится ахик; и ту его дѣлають и на весь свѣтъ откудыва его розвозят; а в Курыли же алмазъниковъ триста, сулях микунѣтъ. И ту бых 5 месяць, а оттуды же поидохъ Калики, и ту же бозаръ велми великъ; а оттуды поидох Конаберга; а отъ Канаберга поидохъ ших Аладину; а отъ ших Аладина поидох ка Аминдріе; а от Камендрѣя к Нарясу; а от Кынарясу к Сури; а от Сури поидох к Дабили, пристанище великаго моря Индѣйскаго. Дабил же есть град велми великъ, а х тому жь Дабили съежщается вся поморья

Индийское войско в походе. *Худ. Б. Немтинов.*
हिन्दुस्तानी फ़ौज कूच पर
Indian troops on the march.

Индѣйскаа і Ефиопьскаа. И ту аканный и яз, рабище Афанасіе, бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіаньской, и по крещеније Христовѣ, и по говѣйнѣх святых отець устроеных и по заповедех апостольскых, и устремихся умъ поити на Русь; внидох же в таву и съговорих о налонѣ корабленемъ, а от своея головы 2 золотых до Гурмыза града дати. И внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за 3 месяци, бесерьменьскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю месяць, а не видах ничево; на другый же месяць увидѣхъ горы Ефіопскыя. И ту людие вси въскличаша „олло бервогыдирь, олло конъкаръ, бизимъ баши мудна насипъ болмышьти“, а по-руски языком молвят: „Боже государю, боже, боже вышній, царю небесный! Зде ли нам судил еси погыбнути?“ И в той же земли Ефиопьской бых 5 дни, божиею благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопомъ, ины судна не пограбили. А оттудова же

поидохъ 12 дни до Мошьката, и в Мошкате же шестый Великый день взях, и поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызѣ бых 20 дни. И зъ Гурмыза поидох к Лари, и бых 3 дни. Изъ Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязи бых 7 дни. А изъ Ширяза поидох к Верху 15, а в Вергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езъди 9 дни, а въ Езди бyxъ 8 дни. А изъ Езди поидох къ Спагани 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Спагани поидох Кашани, а в Кашани бых 5 дни. А ис Кошани поидох к Куму. А ис Кума поидох в Саву. А ис Савы поидох въ Султанию. А ис Султанiи поидох до Терьвиза. А ис Тервиза поидохъ в орду Асанбѣ, в-ърде же бых 10 дни, ано пути нѣту никуды. А на Турьскавъ послал рати своей 40 тысяч, ины Севасть взяли, а Тоханъ взяли да и пожьгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на Караманъ воюючи. И яз из орды пошел къ

Арцицину; а из Рѣцана пошел есми въ Трепизонъ. И въ Трепизон же придох на Покровъ святыя богородица и присно-дѣвыя Марія, и бых же въ Трипизони 5 дни, и на карабль придох и сговорихъ о налонѣ дати золотой от своея головы до Кафы, а золото есми взялъ на харчь, а дати в Кафе. А въ Трепизони же ми шубашь да паша много зла ми учиниша, хламъ мой весь к собѣ взнесли в город на гору, да обыскали все, а обыскывають грамотъ, что есми пришел из орды Асанъбега. Божиею милостью придохъ до третьаго моря до Чермнаго, а парьсьискымъ языкомъ дория Стимъбольскаа. Идохъ же по морю вѣтромъ пять дни, и доидохъ до Вонады; и ту нас стрѣтилъ великый вѣтръ полунощь, и възврати нас къ Трипизону; и стояли есмя въ Платанѣ 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море двожды, и вѣтръ нас стречаеть злы, не дасть намъ по морю ходити; олло акъ олло худо

перводегерь, разве̂е бо того иного бога не знаем. И море же преидохъ да занесе нас сыкъ Балыкаее, а оттудова Тъкъръзофу, и ту стоалі есмя 5 дни. Божиею милостью придох в Кафе за 9 дни до Филипова заговейна, олло перводигырь. Милостию же божиею преидох же три моря; дигырь худо доно, олло перводигирь доно, аминь; смилна рахмамъ рагым, олло акберь, акши худо илелло акши ходо, іса рухолло заліксолом; олло акберь аилягяіля іллелло, олло перводігерь ахамду лілло шукуръ худо афатад; бисмилна гирахмам ррагым: хувомугулези ляіляга ильлягуя алимул гяиби вашагадити; хуарахману рагыму хувомогулязи ля иляга ильляхуя альмелику алакудосу асалому альмумину альмугамину альазизу альчебару альмутаканъ биру альхалику альбаріюу альмусавирю алькафару алькахару альвахаду альрязаку альфатагу альаліму алькабізу альбасуту альхафизу альррафію альмавіфу альмузилю альсемію альвасирю альакаму альадюлю альлятуфу.

Перевод

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское,[1] второе море Индийское — море Индостанское,[2] третье море Черное — море Стамбульское.[3] Пошел я от святого Спаса златоверхого,[4] с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича[5] и от владыки Геннадия[6] Тверского и от Бориса Захарьича на низ, Волгою.

Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы[7] и святых мучеников Бориса и Глеба[8] Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (Тверского), и отпустил меня свободно.[9] Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин[10] тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай,[11] Берекезан.[12]

И въехали мы в Бузань-реку.[13] Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим[14] и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слыхали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне,[15] застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу,[16] они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. И пошли мы к Дербенту[17] в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки,[18] а люди вышли на берег, и пришли кайтаки[19] и людей же с него поймали всех.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены. И бил я челом Василию Папину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал; он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширванша-беку с известием, что русское судно разбило под Тарки и что кайтаки поймали людей с него и разграбили их товар. И Ширванша-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку, князю кайтакскому: что судно-де мое разбило под Тарки, и твои люди, придя, людей поймали, а товар их пограбили, и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постою, только бы ты отпустил их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к Ширван-шаху в орду его койтул.[20]

Мы также поехали к Ширван-шаху в койтул и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе,[21] а иные пошли работать в Баку.

А я пошел в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур,[22] да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев, да в Сари,[23] в Мазандаранской земле,[24] жил месяц. А оттуда пошел к Амулю[25] и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду,[26] а из Демавенда — к Рею,[27] тут убили шаха Хусейна, Алеевых детей и внучат Мухаммедовых, и он их проклял так, что 70 городов развалилось. А из Рея пошел к Кашану и тут был месяц; а из Кашана к Найину, а из Найина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда к Сирджану, а из Сирджана к Таруму,[28] где финиками кормят домашний скот, батман[29] по 4 алтына. А из Тарума пошел к Лару,[30] а из Лара к Бендеру.[31]

И тут есть пристанище Ормузское;[32] тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве[33] с конями.

И шли мы морем до Маската[34] 10 дней; а от Маската до Дега[35] 4 дня; а от Дега к Гуджерату;[36] а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиго и лакх;[37] а от Камбая[38] к Чаулу.[39] От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужи и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата[40] на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали[41] 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира[42] 6 дней.

И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан, Меликтучаров[43] холоп; говорят, что он держит от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем;[44] в течение 20 лет он бьется с кафирами,[45] — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; много у него и слонов, и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, а привозят их из Хорасанской земли,[46] или из Аравийской, или из Туркменской и Чагатайской;[47] привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю;[48] дошел же до Джунира благодаря бога здоровым, — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное. Вино же у них приготовляют в больших орехах кокосовой пальмы, а брагу — в татне.[49] Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не родятся; здесь родятся волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушанья для них варят господарыни; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь — дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель; ведь это женка, приятельница, а тесная связь даром — любят белых людей. Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьею обертывают голову. Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.

И в том Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не бусурманин, а русский, то сказал: «И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову; если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок, 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак,

Афанасий Никитин в гостях у знатного индуса. *Худ. Б. Немтинов.*
कुलीन हिन्दू के अतिथि के रूप में अ० निकीतिन
An Indian noble plays host to Afanasy Nikitin.

русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день Успения пречистой к Бидару,[50] большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги[51] также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов,[52] столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки,[53] на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами.

Есть у них одно место — гробница шейха Алаеддина в Алянде,[54] где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник Покрова святой богородицы. Есть на том Алянде птица филин, она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу,

и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая и язык у них есть свой; детей они родят много, но которые родятся не в отца и не в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям.

Весна здесь наступила с Покрова святой богородицы;[55] весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину. Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана.[56] Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет, а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы.

Есть здесь хорасанец Меликтучар, боярин, — так у него рати 200 тысяч. А у Мелик-хана — 100 тысяч, а у Харат-хана[57] — 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи. Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, и все юные девы.

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов,[58] кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье[59] из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество. И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани.[60] Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута.[61] Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату[62] — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище (бутхана). Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбревают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени,[63] а с коней — по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч, а бывает время, когда и 100 тысяч. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде,[64] в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири[65] с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, подымают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; так же на восток

стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Приходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка, по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на заду плат; и женки все голые, только на заду фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов, на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу. А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами». Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоящее и дешевое считаются женки: хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за ничто бросить деньги, дай шесть шетелей.[66] Таков у них обычай. Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до бусурманского великого праздника.[67] А Великого дня воскресения Христова не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я молю бога, чтобы он хранил меня: «Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси. Бог един, то царь славы, творец неба и земли». А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел. А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза идти морем до Галата 10 дней, а от Галата до Дега — 6 дней, а от Дега до Маската — 6 дней, а от Маската до Гуджарата — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая — 4 дня, а от Камбая до Чаула — 12 дней, а от Чаула до Дабула[68] — 6 дней. Дабул же — это пристань в Индостане, последняя из бусурманских. А от Дабула до Каликута[69] — 25 дней, а от Каликута до Цейлона — 15 дней, а от Цейлона до Шабата[70] идти месяц, а от Шабата до Пегу[71] — 20 дней, а от Пегу до Чина

да до Мачина[72] идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая[73] идти посуху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.

Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину. А Камбай — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают алачи,[74] да пестряди,[75] да грубую шерстяную ткань, да делают краску индиго; в нем же родится лакх, сердолик и гвоздика. Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Туркестана и Старого Хормуза; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.

А Каликут есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну; кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье, адряк[76] да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.

А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе[77] отец Адам. Да около него родятся драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак. Родятся также слоны, а продают их на локоть, да страусы — продают их на вес.

А Шабатская пристань Индийского моря весьма велика. Хорасанцам здесь дают жалованье, по деньге[78] на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц по 10 денег. А родится в Шабате шелк, сандал,[79] жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в нем драгоценные камни, рубин, яхонт, рубин. Продают эти камни дервиши. А Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор, а продают его на вес и дешево.

А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью они ходят к чужеземцам и спят с ними; они (жены) дают им (гостям) жалованье и приносят с собой сладости и сахарное вино, кормят и поят ими гостей, чтобы их любили. Жены же любят гостей — белых людей, так как их люди очень черны. И у которой жены от гостя зачнется дитя, то ее муж дает жалованье, и если родится белое, то тогда гостю пошлины 18 денег, а если родится черное, тогда ему ничего нет; а что пил да ел — то ему было законом дозволенное.

Шабат же от Бидара 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там жемчуг высшего качества, и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же родятся шелк, фарфор, жемчуг, сандал, слонов продают на локоть.

В Цейлоне родятся обезьяны, рубины и кристаллы. В Каликуте родятся перец, мускат, гвоздика, фуфал[80] и цвет. В Гуджарате родится индиго и лак, а в Камбае — сердолик. В Райчуре[81] же родится алмаз, старой и новой копи; почку[82] алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней,[83] черноватого цвета — от 4 до 6 кеней, а белый алмаз — 1 деньга. Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана, и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабаитяне не евреи, не бусурмане, не христиане — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями, ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки и обезьяны и по дорогам нападают на людей, так что из-за обезьян и диких кошек ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах. У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус. А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу, и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день[84] в бусурманском Бидаре в Индостане. Бусурмане же встретили байрам в среду месяца мая, а заговел я месяца апреля в 1 день. О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет, когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине,[85] другой Великий день в Чепакуре в Мазандеранской земле, третий день в Ормузе, а четвертый Великий день в Бидаре, в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской.

Бусурманин же Мелик много понуждал меня обратиться в веру бусурманскую. Я же ему ответил: «Господин, ты совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Он же мне сказал: «Поистине, хотя ты и представляешься не бусурманином, но и христианства не знаешь». И впал я тогда во многие размышления и сказал себе:

«Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду. Господи боже, вседержитель, творец неба и земли, не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи, призри и помилуй меня, потому что я твое создание; не отврати меня, господи, от пути истинного и настави меня, господи, на путь твой правый, потому что ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, господь мой, потому что дни свои прожил все во зле. Господь мой, бог покровитель, бог всевышний, бог милосердный, бог милостивый. Хвала богу! Уже прошли 4 Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи, боже мой!»

В бусурманской же Индии, в Великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищалями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю,[86] к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами, да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь. А на султане кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак[87] с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку, с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин, с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый, с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на заду, стыд завешен.

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне,[88] где родится жемчуг, да в Джидде,[89] да в Баку, да в Египте, да в Арабстане,[90] да в Ларе. Знойно и в Хорасанской земле, да не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе

же да в Йезде и в Кашане знойно, но бывает ветер. А в Гиляни[91] очень душно и сильно парит, да и в Шамахе сильный пар. В Вавилоне (Багдаде) знойно, тоже в Хумсе[92] и Дамаске. В Алеппо[93] же не так знойно. А в Севастей губе[94] и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле[95] также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля.[96] Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры). Да станет русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже.

Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. Князей везде прогнали. Мирзу Джеханшаха убил Узун-Хасан-бек, султана Абу-Саида отравили; Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед к нему не едет — опасается. А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру; ради веры христиане и не ходят в Мекку, так как там обращают в бусурманство. Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына. А вина и сыты я не пивал.

Меликтучар взял 2 индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну: вьюк яхонтов, да вьюк алмазов и рубинов, да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов. А пришел Меликтучар со своею ратью к Бидару на курбанбайрам, по-русски на Петров день. И навстречу ему султан послал 10 везиров, за 10 ковов, а в кове по 10 верст. А с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да по 10 слонов в доспехах.

А у Меликтучара каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой, садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литаврщиков, да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов.

А Низам-ал-мульк, да Мелик-хан, да Фархад-хан взяли 3 больших города, и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли каменья всякого дорогого огромное количество, и все то каменье, да яхонты, да алмазы скупили

Торжественный выезд султана. *Худ. Д. Буторин.*
सुलतान और उसके सेवकगण महल से निकलते हुए
The Sultan and his retinue leave the palace.

для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар в день пресвятой богородицы.

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, и с ним выезжают 3 везира. А брат султанов выезжает в понедельник с матерью и с сестрой. Да 2 тысячи женок выезжают на конях и на золотых носилках. Да коней перед ними простых 100 в золотых сбруях, да пеших с ними очень много, да 2 везира и 10 везиров, да 50 слонов в суконных попонах. А на слоне сидят по 4 человека голых, только плат на заду. Да голые пешие женки, и те воду за ними носят, пить и умываться, а один у другого воды не пьет.

Меликтучар выехал завоевывать индийцев с ратью своею из города Бидара в день памяти шейха Алаеддина, а по-русски на Покров святой богородицы,[97] и рати с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своей рати 50 тысяч, да с ним 3 везира пошли, а с ними 30 тысяч; да пошли с ними 100 слонов в доспехах и с городками, и на каждом слоне по 4 человека с пищалями. Меликтучар пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара.

А у виджаянагарского[98] князя 300 слонов, да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан выехал из города Бидара в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедер-ханом и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сул-ханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом вышли 15 тысяч конных людей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутар-ханом вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч. А с Индийским Авдономом[99] вышли рати своей 40 тысяч конных людей, да пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов наряженных, в доспехах, а на слоне по 4 человека с пищалями. А с султаном вышли 26 везиров, и с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да пеших по 20 тысяч; а с иным везиром 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч. А у четырех великих индийских везиров рати своей по 40 тысяч конных людей да пеших 100 тысяч. И рассердился султан на индийцев, что мало вышло с ним; и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных да 20 слонов. Такова сила у султана индийского,

бусурманского; Мухаммедова вера еще годится. А правую веру бог ведает, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте.

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама, по вере Мухаммеда, пророка божия. А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге, от Бидара 20 ковов.

Султан же дошел до Меликтучара с ратью своею на 15-й день после улу-байрама, а все в Кульбарге. И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же наместник очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре. И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь, по другую же сторону подошла долина, весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая, заросли колючего кустарника. Под городом стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда. Город же индийский взял ходжа Меликтучар, а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила, не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского поголовия, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура;[100] а в Кулуре родится сердолик, и здесь его отделывают, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие. И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду,[101] а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге, а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина — к Камендрии, а от Камендрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури, а от Сури пошел к Дабулу — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву и сговорившись о корабельной плате, дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут люди все воскликнули: «олло конъкар бизим баши мудна насип болмышьти», что по-русски значит: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу,[102] 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух,[103] 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани,[104] 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану, а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму,[105] а из Кумы пошел в Саву.[106] А из Савы пошел в Султанию.[107] А из Султании пошел до Тавриза.[108] А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку,[109] в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого [султана] послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас; да и Токат[110] взяли и подожгли, Амасию[111] взяли и пограбили там много сел. И пошли воюя на Караман.[112] А я из орды пошел к Арзинджану,[113] а из Арзинджана пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд[114] на Покров святой богородицы и приснодевы Марии и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, сговорился о плате — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину, а отдать его в Кафе.[115] В Трапезунде же субыши[116] и паша причинили мне много зла: унесли весь мой хлам к себе в город, на гору, да и обыскали все; что мелочь была хорошая — всю выкрали, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного, а по-персидски море Стамбульское. Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады,[117] но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане[118] 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю; боже истинный, боже покровитель! — потому что, кроме него, иного бога не знаем. И море, было, проплыл, да занесло нас к Балаклаве,[119] а оттуда к Гурзуфу,[120] и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью приплыл в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря. Остальное бог знает, бог покрови-

тель ведает. Во имя бога милосердного и милостивого. Бог велик! Боже благий, господи благий, Иисус дух божий! Мир тебе! Бог велик; нет бога, кроме Аллаха, творца. Слава богу, хвала богу! Во имя бога, милосердного и милостивого! Он есть бог, которому другого подобного нет, ведающий все тайное и явное; он милосерден и милостив; он бог, которому нет другого подобного; он царь, свет, мир, спаситель, попечитель, славен, могущ, велик, творец, зиждитель, изобразитель. Он разрешитель грехов, он и каратель; дарующий, питающий, прекращающий всякие затруднения; знающий, принимающий наши души; распростерший небо и землю, все сохраняющий; всевышний, возвышающий, низвергающий, все слышащий, везде видящий. Он судья правый, благий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Море Дербентское, море Хвалынское — Каспийское море.

[2] Море Индийское, море Индостанское — Индийский океан.

[3] Море Черное, море Стамбульское — Черное море.

[4] Спас Златоверхий — кафедральный собор в Твери (ныне г. Калинин); каменный собор, о котором идет речь у Афанасия Никитина, был построен в конце XII в.

[5] Михаил Борисович — великий князь Тверской (1461—1485).

[6] Владыка Геннадий — епископ Тверской.

[7] Монастырь святой Троицы — монастырь в г. Калязине, основанный игуменом Макарием, о посещении которого говорит Афанасий Никитин.

[8] Имеется в виду одна из церквей Калязинского монастыря, названная в честь Бориса и Глеба, сыновей великого князя киевского Владимира Святого, канонизированных русской церковью.

[9] Грамота великого князя — речь идет об Иване III Васильевиче.

[10] Василий Папин — посол Ивана III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара. Ширваншах — шах Ширвана, расположенного на северо-востоке Азербайджана.

[11] Сарай — столица Золотой Орды.

[12] Берекезан — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

[13] Бузань-река (Бузань) — рукав Волги в нижнем ее течении, впадает в р. Ахтубу.

[14] Хан-Касим — султан Касим, первый хан астраханский (с 1466 г.).

[15] Бугун — одна из мелей в устье Волги.

[16] Ез, яз — заграждение на реке; устраивается, чтобы задержать рыбу для ее ловли.

[17] Дербент — город на западном берегу Каспийского моря. Известен с VI в. н. э.

[18] Тарки (Тарху) — крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

[19] Кайтаки — жители области и княжества Кайтак, или Кайтаг, в западном Дагестане, к северо-западу от Дербента.

[20] Койтул — ставка государя или какого-либо эмира; синоним термина орда, или орду.

[21] Шемаха — город в Ширване, ныне районный центр Азербайджанской ССР.

[22] Чапакур — селение в Мазандаране на южном берегу Каспийского моря.

23 Сари — город в Мазандаране, в 25 км к югу от Каспийского моря.

24 Мазандаран (Мазендеран) — область в Северном Иране, занимающая узкую полосу между южным побережьем Каспия и хребтом Эльбурс.

25 Амуль (Амоль) — самый крупный город Мазандарана.

26 Демавенд — массив и гора, высшая точка хребта Эльбурс (5604 м).

27 Рей — один из величайших городов средневекового Ирана; развалины его находятся в 8 км к юго-востоку от Тегерана.

28 Кашан, Найин (Наин), Сирджан, Тарум — иранские города на пути следования А. Никитина.

29 Батман — мера веса, различная для разных местностей, от 3 кг до нескольких пудов.

30 Лар — город на юге Ирана; дважды посещался Афанасием Никитиным.

31 Бендер — гавань, порт (перс.), имеется в виду Старый Хормуз (см. след. примечание).

32 Ормуз (Хормуз, Гурмыз) — остров и старинный порт в Персидском заливе; Старый Ормуз находился на материке на побережье залива.

33 Тава, или даба, — местное название морского судна.

34 Маскат — порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

35 Дега — неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин; можно предположить, что имеется в виду Диу — порт у полуострова Катхиавар на западе Индии.

36 Гуджарат — область на западе Индии. Во времена Афанасия Никитина Гуджарат был самостоятельным государством.

37 Индиго, лакх — краски, получаемые из растений.

38 Камбай — порт у одноименного залива в Гуджарате.

39 Чаул — гавань на Малабарском берегу Индии к югу от Бомбея.

40 Фата — имеется в виду „дхоти“ — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер.

41 Пали — город к востоку от Чаула.

42 Джунир (Джуннар) — город к востоку от Бомбея.

43 Асад-хан — вероятно, Джуннарский наместник Мухаммеда-шаха III. В середине XIV в. в Декане создалось мусульманское государство во главе с династией Бахманидов. Во время пребывания Афанасия Никитина в Индии на престоле Бахманидов находился Мухаммед-шах III. От имени этого шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед Гаван, носивший титул Мелик-ат-туджар; Афанасий Никитин везде называет его Меликтучаром.

44 Тьма — десять тысяч; термин вошел в обиход русского языка того времени после монгольского завоевания.

45 Кафир — „неверный“, так мусульманские завоеватели называли немусульман; Афанасий Никитин кафирами, или кафарами, называет только индуистов в отличие от „бусурман“, т. е. мусульман.

46 Хорасанская земля — Хорасан, северо-восточная область Ирана. В средние века к Хорасану причисляли всю территорию от пустыни Дешти-Кевир на западе до р. Аму-Дарьи и гор Бадахшана на востоке и от пустыни Каракум на севере до хребта Гиндукуш и области Сеистан на юге.

47 Чагатайская земля — в XIII — XV вв. название Средней Азии.

48 Индийская земля — Индостан, Индия.

[49] Татна — род растения, из которого в Индии приготовляли опьяняющий напиток.

[50] Бидар — город на Деканском плоскогорье, в 100 км к северо-западу от Хайдарабада.

[51] Кулунгир, Кульбарга (Гулбарга) — города в Декане.

[52] Ков — мера длины, различная для разных областей Индии (от 6,5 до 15 км). Афанасий Никитин считает в кове по 10 верст в среднем.

[53] Камка — шитая золотом цветная шелковая ткань, парча.

[54] Алянд (Алланд) — город в 45 км к северо-востоку от Гулбарги.

[55] Покров святой богородицы — 1 октября.

[56] В Бидаре... престол бусурманского Индостана — в действительности Бидар был только столицей Бахманидов, а не всей мусульманской Индии.

[57] Мелик-хан и Харат-хан (Фарат-хан) — военачальники Мухаммед-шаха III Бахманида.

[58] Футун — южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная.

[59] Филиппово заговенье — в православной церкви пост с 14 ноября по 24 декабря.

[60] Ходжа Юсуф Хоросани — мусульманское имя, принятое Афанасием Никитиным.

[61] Всех же вер в Индии 84 — по-видимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма.

[62] Парвата — храмовый комплекс на правом берегу р. Кистны в 175 км к юго-востоку от Хайдарабада.

[63] Шекшень — мелкая серебряная монета.

[64] Как царь Юстиниан в Царьграде — дается сравнение с положением руки на конной статуе византийского императора Юстиниана I в Константинополе.

[65] Кичири (кхичри) — индийское блюдо из риса с маслом и приправами.

[66] Шетель (шитель) — серебряная монета.

[67] Бусурманский великий праздник — имеется в виду улу-байрам, один из двух главных мусульманских праздников.

[68] Дабул — в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея.

[69] Каликут — знаменитый в XIII — XIV вв. порт на юге Малабарского берега Индии.

[70] Шабат — точно не выяснено, какую страну имеет в виду Афанасий Никитин.

[71] Пегу — область в Южной Бирме, в нижнем течении р. Иравади.

[72] Чин и Мачин — обычные у мусульманских народов средневековые названия Китая; у Афанасия Никитина Южный Китай.

[73] Китай — имеется в виду Северный Китай.

[74] Алача — персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток.

[75] Пестрядь — ткань из разноцветных ниток, тафта или миткаль.

[76] Адрик — вид инбиря.

[77] Высокая гора — Адамов пик на Цейлоне, где согласно верованию мусульман сохранялся след ноги первочеловека Адама.

[78] Деньга, тенгэ — серебряная монета разного веса и ценности в разных местах.

[79] Сандал — сандаловое дерево, общее название нескольких видов пахучих деревьев, ценимых ради запаха и твердости.

[80] Фуфал — плод ореховой пальмы.

[81] Райчур — город к юго-западу от Хайдарабада.

82 Почка — на Руси мера веса для драгоценных камней — 2,13 г.

83 Кени — мелкая монета, 1/64 тенги.

84 Великий день — пасха.

85 Каин — не установлено, какой город Афанасий Никитин имел в виду.

86 Кентарь — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

87 Сайдак — полный набор вооружения конного воина.

88 Бахрейн — группа островов в Персидском заливе.

89 Джидда — гавань в Аравии на Красном море.

90 Арабстан — Аравия.

91 Гилянь (Гилян) — область на северо-западе Ирана.

92 Хумс (Хомс) — древняя Эмеса, город в Сирии.

93 Алеппо (Халеб) — город в Сирии.

94 В Севастей Губе — Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, на р. Кызыл-Ирмак.

95 Волошская земля — Валахия, ныне Румыния.

96 Подольская земля — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестр.

97 Покров богородицы — христианский православный праздник, 1 октября.

98 Виджаянагар — большой город в Южной Индии, был столицей большого феодального индийского государства.

99 Авдоном — греческое „самодержец", здесь, видимо, государь Виджаянагара.

100 Кулур — алмазные копи в районе Райчура, к юго-западу от Хайдарабада.

101 Коилконда — Голконда, город к юго-востоку от Гулбарги.

102 Шираз — главный город южноиранской области Парс (Фарс).

103 Аберкух (Эберкух) — город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда.

104 Испагань (Исфахан) — город в центральной части Ирана.

105 Кум — город в Иране, к югу от Тегерана.

106 Сава (Саве) — город в Иране, к северо-западу от Кума.

107 Султания, Султанийэ (Сольтание) — город в северной части Ирана, на дороге Тегеран — Тебриз.

108 Тавриз (Тебриз) — город в Иранском Азербайджане.

109 Хасан-бек стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу („белобаранных").

110 Токат — город в Малой Азии, к северу от Сиваса.

111 Амасия (Амасья) — город в Малой Азии, к северо-западу от Сиваса, на р. Ешиль-Ирмак.

112 Караман — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, существовавшее в XIII — XV вв.

113 Арзинджан (Эрзинджан) — город на Армянском нагорье к востоку от Сиваса.

114 Трапезунд (Трабзон) — город на южном побережье Черного моря.

115 Кафа — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма.

116 Субыши, субаши — военачальники, местные феодалы в Османской Турции.

117 Вонада — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

118 Платана — городок и гавань на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

119 Балаклава — порт на юго-западном берегу Крыма.

120 Гурзуф — населенный пункт, ныне курорт, на Южном берегу Крыма.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Большими расстояниями, высочайшими на земле горными хребтами разделены Советский Союз и Индия. Но издавна народы этих двух великих стран жили в дружбе, проявляли живой интерес друг к другу. Неоднократно на протяжении столетий русские путешественники, ученые, писатели и художники посещали далекую полуденную страну, омываемую теплыми водами Индийского океана. Много проникновенных слов, полных симпатии и сочувствия к Индии и ее народу, можно найти в их дневниках и воспоминаниях. И первым из русских людей, побывавшим в Индии, был Афанасий Никитин.

Родина этого замечательного путешественника — старинный русский город Тверь (ныне Калинин) расположен на берегу Волги, там, где в нее вливаются две небольшие речки: Тверца и Тьмака. Впервые он упоминается в летописях в начале XIII века; а во второй половине XV века Тверь была столицей самостоятельного Тверского княжества, одного из многих независимых княжеств, на которые была разделена Русь в те времена.

Тверь была также крупным торговым городом. По населенности и богатству немногие из русских городов могли соперничать с Тверью. И даже в конце XV века, когда Тверь стала частью централизованного Русского государства, она не утеряла своего значения, как важнейшего торгового центра.

Внешним видом Тверь немногим отличалась от других городов Руси. Центральную часть ее занимал Кремль — то есть крепость; внутри Кремля стоял собор Спаса Златоверхого, княжеский дворец, дома приближенных князя и другие постройки. За стенами Кремля располагался посад, где жили горожане — торговые люди, ремесленники. Здесь же был и гостиный двор, куда привозили свои товары приезжие купцы.

Наиболее предприимчивые представители тверского купечества занимались торговлей за рубежом. В XV веке русских купцов нередко встречали на западноевропейских,

ближневосточных и среднеазиатских рынках. Видимо, и Афанасий Никитин немало побродил по свету: вспоминая в своих записках о Руси, он сравнивает ее с Крымом, Грузией, Турцией, Валахией, Подолией как человек, хорошо знакомый с этими странами.

Однажды к великому князю Московскому Ивану III приехал посол владетеля Ширванского ханства Хасан-бек. Посол привез в Москву дорогие подарки. Иван III снарядил в Ширван своего посла — жителя Твери Василия Папина. Узнав об этом, Афанасий Никитин вместе с другими купцами также собрался в Ширван, чтобы там торговать. На двух судах купцы пустились вниз по Волге. Так началось большое путешествие, рассказ о котором сохранился до наших дней в записках Афанасия Никитина, публикуемых в этой книге.

После многих драматических приключений тверской купец оказался в Баку, откуда он отправился через всю Персию к Персидскому заливу в город и порт Ормуз — один из крупнейших торговых центров Востока. Описание путешествия по Персии крайне лаконично, Никитин ограничивается главным образом перечислением пунктов, в которых ему довелось побывать. Начиная с Ормуза, записки становятся более подробными и красочными.

Скитаясь по Персии, Никитин услыхал, что будто бы в Индии не родятся кони, и поэтому они там крайне дороги. Это навело его на мысль побывать в Индии. Он купил коня, сел с ним в таву — небольшое морское судно — и отправился к берегам Индостана, рассчитывая там продать коня и приобрести товары, пользующиеся спросом на Руси.

Нужно было обладать большой смелостью, чтобы решиться на длительное плавание в утлом суденышке по бурному Индийскому океану. После шести недель пути тава пристала к Чаулу — гавани на Малабарском побережье Индии. „И тут есть Индийская страна", — записал Афанасий Никитин.

Страницы с описаниями виденного в Индии поражают острой наблюдательностью, умением тонко подметить характерные черты различных сторон жизни и быта населения страны, незнакомой дотоле путешественнику. Никитин не только точно фиксирует факты, но и анализирует их, делает интересные сравнения.

В середине XV века вся Индия состояла из независимых индийских и мусульманских государств. Первые завоевания мусульман в Индии относятся к VII веку. В последующие столетия вторжения мусульман становятся более частыми, и к XIV веку в Декане образуется ряд мусульманских княжеств. Наиболее могущественным из них было государство Бахманидов, в которое вошли четыре области. Столицей была Гулбарга. Через столетие после воцарения Бахманидов их владения удвоились и столица была перенесена в Бидар.

Бахманиды владели обширной территорией в центральной и западной частях плоскогорья Декан на Индостанском полуострове. Бахманидское государство населяли многочисленные народы, говорившие на разных языках (маратхи, телугу и др.), но официальным языком, на котором говорила и значительная часть пришлого мусульманского населения, был персидский. Разнообразие этнического состава сочеталось с религиозными различиями.

Большинство жителей исповедовало индуизм; мусульмане составляли меньшинство и принадлежали главным образом к правящей верхушке общества. Бахманиды вели постоянные войны с соседними индийскими государствами; основным их соперником было царство Виджаянагар, расположенное в южной части Индостана.

Во время своих скитаний по Индии Афанасию Никитину довелось посетить многие города и селения этой великой страны. Побывал он в портах западного побережья, пересек Гатские горы, углубился в центр Деканского плоскогорья. Его записки рассказывают о Джуннаре и Гулбарге, Бидаре и Голконде, о ярмарке в Алланде и алмазных россыпях в Райчуре, о храмовом комплексе в Парвате и крепости Виджаянагар. Записывает Никитин сведения и о тех местах, где сам не бывал, но известных ему по рассказам (Цейлон, Пегу и др.).

От внимания путешественника не ускользает ни одна сторона жизни, ни одна интересная деталь. Внешний облик индийцев, их одежда, пища, стоимость жизни, обряды, обычаи, кастовые различия и взаимоотношения каст, предания — все это нашло место на страницах рукописи. Причем, говорится обо всем этом беспристрастно, но с интересными комментариями и сравнениями. Афанасий Никитин подробно описывает торжественные выезды султана, его неисчислимые богатства и ослепительное великолепие. Вместе с тем Никитин был единственным путешественником, который увидел изнанку пышности и сказочной роскоши жизни султана и его вельмож — „сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны". Уже одно это ставит его выше многих других авторов, описавших Индию XV века.

С временем пребывания Афанасия Никитина в Индии совпал грандиозный поход войск бахманийского султана Мухаммеда III против Виджаянагара. Этот поход, потребовавший огромных жертв, как материальных, так и людских, после временных успехов и изнурительной осады крепости Виджаянагар окончился неудачей и по сути дела положил начало упадку Бахманийского царства, которое на рубеже XV и XVI веков распалось на пять независимых феодальных государств. Свидетельство очевидца, каким был наш путешественник, чрезвычайно ценно, ибо вносит многие коррективы в дошедшие до нас описания событий этого времени. Ведь о прошлом Индии, где в XV—XVI веках не было своей исторической литературы, известно только по трудам мусульманских ученых. В этих трудах опускались факты, невыгодно показывающие мусульманских завоевателей. Никитин оказался единственным, кто запечатлел эпизоды неудачной войны Бахманидов с Виджаянагаром.

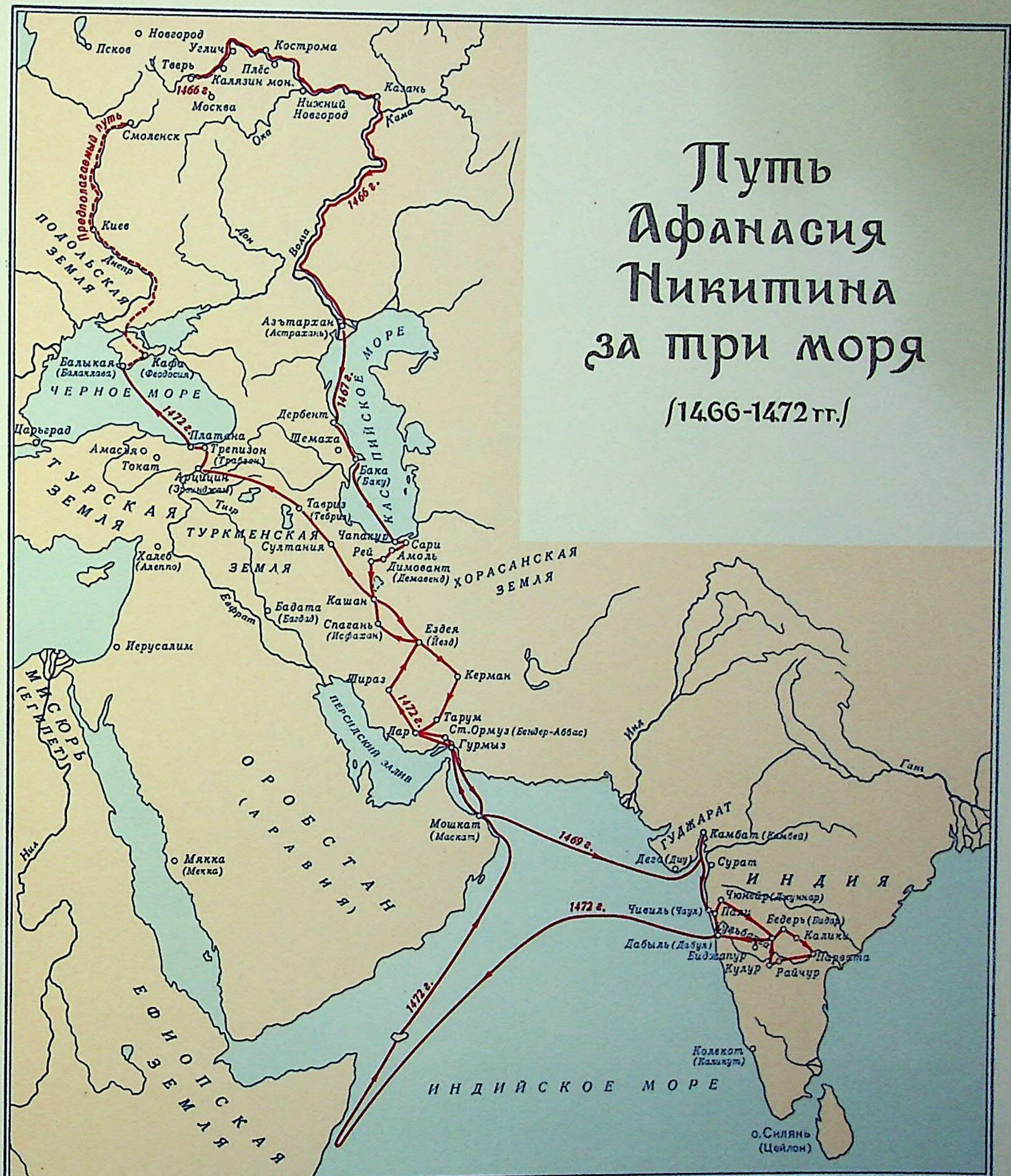
Почти три года провел Афанасий Никитин в Индии. Но любовь к родине, тоска по ней звали его на Русь, к своему народу. „Да хранит бог землю русскую! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость". Эти строки свидетельствуют о глубоком патриотизме Никитина и показывают его как человека чрезвычайно прогрессивных для того времени взглядов.

Долгие месяцы потребовались на то, чтобы добраться до порта Дабул на Малабарском побережье, откуда Никитин отбыл на родину.

Обратный путь лежал через Маскат, Ормуз, снова через всю Персию в Малую Азию и оттуда морем в Крым, в Кафу (Феодосия), где имелось большое русское подворье.

До родной Твери Афанасий Никитин не добрался: как записал летописец, он „Смоленска не дошед, умер“.

Так кончилось путешествие Афанасия Никитина за три моря. Его „тетради“, написанные в XV веке, и теперь, спустя почти пятьсот лет, волнуют и привлекают нас искренностью и непосредственностью высказываний автора, удивляют обилием интереснейших сведений о жизни и быте индийского народа, показывают истоки русско-индийской дружбы и свидетельствуют о глубине истоков этой дружбы.

Путь Афанасия Никитина за три моря
(1466-1472 гг.)
Новгород
Псков
Углич
Кострома
Тверь
Плёс
Калязин мон.
1466 г.
Казань
Нижний Новгород
Москва
Кама
Ока
Смоленск
Предполагаемый путь
1466 г.
Киев
Дон
Волга
Днепр
ПОДОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
Азътархан
(Астрахань)
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Балыкая
(Балаклава)
Кафа
(Феодосия)
ЧЕРНОЕ МОРЕ
1467 г.
1472 г.
Дербент
Царьград
Платана
Шемаха
Амасия
Трепизон
(Трабзон)
Токат
Бака
(Баку)
Арцицин
(Эрзинджан)
ТУРСКАЯ ЗЕМЛЯ
Тигр
Тавриз
(Тебриз)
ТУРКМЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Чапакур
Сари
Султания
Рей
Амоль
Димовант
(Демавенд)
ХОРАСАНСКАЯ ЗЕМЛЯ
Халеб
(Алеппо)
Кашан
Бадата
(Багдад)
Евфрат
Спагань
(Исфахан)
Ездея
(Йезд)
Иерусалим
Кермань
Шираз
МИСЮРЬ
(ЕГИПЕТ)
Тарум
Ст.Ормуз (Бендер-Аббас)
Лар
Гурмыз
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ
Инд
Ганг
ОРОБСТАН
(АРАВИЯ)
Мошкат
(Маскат)
1469 г.
ГУДЖАРАТ
Камбат (Камбей)
Дега (Диу)
Сурат
ИНДИЯ
Нил
Мякка
(Мекка)
Чюнейр (Джуннар)
1472 г.
Чивиль (Чаул)
Бедерь (Бидар)
Калики
Дабыль (Дабул)
Биджапур
Парвата
Кулур
Райчур
1472 г.
ЕФИОПСКАЯ ЗЕМЛЯ
Колекот
(Каликут)
ИНДИЙСКОЕ МОРЕ
о. Силянь
(Цейлон)

तीन समुंदर पार
अफ़नासी निकीतिन की यात्रा

१४६६–१४७२

हे भगवान् के पुत्र, प्रभु ईसा मसीह, हमारे पवित्र पुरोहितों की प्रार्थनाएं मानकर के फलस्वरूप अपने इस पापी सेवक पर, निकीता के पुत्र अफ़नासी पर दया करो।

यहां मैंने तीन समुदर पार अपनी पापपूर्ण यात्रा का वर्णन किया है। इनमें से पहला समुद्र देरबेन्त सागर अथवा ख्वालिस का सागर[1] है, दूसरा है हिन्द सागर अथवा हिन्दुस्तान का सागर[2] और तीसरा है काला सागर अथवा स्तंबूल का सागर[3]।

मैं त्वेर के ग्रेंड ड्यूक मिखाईल बोरीसोविच[4] और मोक्षदाता के सुनहरी गुम्बद वाले गिरजाघर[5] के तत्रभवान् श्रद्धेय पुरोहित गेन्नादी[6] से (आशीर्वाद प्राप्त करके) वोल्गा पर रवाना हुआ। कल्याज़िन पहुंचने पर मुझे पवित्र त्रयी[7] और पवित्र हुतात्मा बोरीस एवं ग्लेब[8] के मठ के पुरोहित श्रेष्ठ मकारियस और मठवासी धर्म बंधुओं के आशीर्वाद प्राप्त हुए; कल्याज़िन से मैं उगलिच गया और उगलिच से कोस्त्रोमा में प्रिन्स अलेक्सान्द्र के पास। मेरे पास (त्वेर के) ग्रेंड ड्यूक[9] की दी हुई एक और सनद थी और प्रिन्स अलेक्सान्द्र ने मुझे निर्बाध आगे बढ़ने दिया। निज्नी नोव्गोरोद नगर तक के मार्ग में भी कोई बाधा न आयी। वहां मैं गवर्नर मिखाईल किसेल्योव और चुंगी अधिकारी इवान सरायेव से मिला।

वसीली पापिन[10] आगे चल चुका था और मुझे नोव्गोरोद में तातार शीरवानशाह के राजदूत हसन-बग़ के आगमन की प्रतीक्षा में पंद्रह दिन रहना पड़ा। वह ग्रेंड ड्यूक इवान के यहां से बाज़ लिये आ रहा था। ये उसके पास नब्बे

थे। फिर मैं उसके साथ वोल्गा पर आगे बढ़ा। हम आज़ादी से कज़ान, ओर्दा, उसलान, सराय[11] और बेरेकेज़ान[12] से होते हुए आगे बढ़े।

फिर हमने बूज़ान[13] दरिया में प्रवेश किया। वहां हमें तीन नास्तिक तातार मिले जिन्होंने हमें झूठा समाचार दिया कि खान कासिम[14] तीन हज़ार तातारों के साथ नदी के नीचे की ओर सौदागरों की घात में डेरा डाले हुए है। शीरवानशाह के राजदूत हसन-बेग़ ने तीनों को एक एक कोट, कपड़े का एक एक टुकड़ा दे दिया कि वे हमें आस्त्राखान से होकर सुरक्षित रीति से ले जायें। उन्होंने कोट तो ले लिये लेकिन आस्त्राखान के राजा को खबर कर ही दी। मैंने अपना जहाज़ छोड़ दिया और अपने साथियों को लेकर राजदूत के जहाज़ पर चला गया। जब हम आस्त्राखान से होकर जा रहे थे उस समय चांदनी छिटक रही थी। राजा ने हमें देख ही लिया और उसके तातार चिल्ला उठे: "भागो नहीं!" लेकिन हमने अनसुनी कर दी और पाल चढ़ाकर आगे बढ़ते रहे। फिर राजा ने अपना पूरा दल हमारा पीछा करने के लिए भेजा और हमारे पापों के परिणामस्वरूप बुगुन[15] के निकट वे हमारे पास पहुंच ही गये। तातारों ने हमारा एक आदमी मार डाला और हमने उनके दो। आगे एक बांध के पास हमारा छोटा-सा जहाज़ रुक गया। उन्होंने जहाज़ पर क़ब्ज़ा कर लिया और सब कुछ लूट लिया। मेरा सारा सामान-असबाब उसी छोटे जहाज़ पर था।

बड़े जहाज़ पर हम समुंदर में पहुंचे लेकिन वोल्गा के मुहाने के पास हमारा जहाज़ ज़मीन में धंस गया। फिर तातारों ने हमें पकड़ लिया और जहाज़ को वापस बांध तक खींच ले गये। वहां उन्होंने हमारा बड़ा जहाज़ छीन लिया और चार रूसियों को क़ैद करके ले गये; लूट-पाट करने के बाद उन्होंने हमें समुंदर पार करने दिया। हम कहीं संदेश न भेजें इस विचार से उन्होंने हमें प्रवाह के ऊपर की ओर नहीं जाने दिया।

फिर हम दो जहाज़ों पर देरबेन्त[16] की ओर जाने लगे। एक जहाज़ पर राजदूत हसन-बेग़ ईरानियों और मैं रूसियों के साथ था। हम कुल दस आदमी थे। दूसरे जहाज़ पर छः मास्कोवासी, छः त्वेरवासी और गायें और खाने-पीने की चीज़ें थीं। समुंदर में तूफ़ान हुआ। छोटा जहाज़ तारकी[17] नामक एक छोटे-से क़स्बे के पास किनारे से टकराकर टुकड़े टुकड़े हो गया और उसके आदमी किनारे पर चले गये। फिर कुछ कैटक[18] आये और उन्होंने उन सब को क़ैद कर लिया।

देरबेन्त पहुंच जाने पर हमें पता चला कि वसीली पापिन सुरक्षित और सुख से आ पहुंचा है जबकि हमारा सब कुछ लुट गया था। मैंने वसीली पापिन से और शीरवानशाह के राजदूत हसन-बेग़ से, जिसके साथ हम आये थे, नम्रतापूर्वक अनुरोध किया कि वे तारकी के पास कैटकों द्वारा क़ैद किये गये आदमियों के लिए वकालत करें। और हसन-बेग़ ने उनके लिए अभ्यर्थना की; वह बुलत-बेग़ के पास गया और बुलत-बेग़ ने शीरवानशाह के पास एक हरकारा यह संदेश देकर भेजा कि तारकी के पास एक जहाज़ टूट गया है और कुछ कैटकों ने जहाज़ पर के आदमियों को गिरफ़्तार कर लिया है और उनका माल-असबाब लूट लिया है। और शीरवानशाह-बेग़ ने फ़ौरन अपने साले, कैटक के शहज़ादे खलील-बेग़ के पास एक आदमी यह संदेश देकर भेजा: "मेरा जहाज़ तारकी के पास टूट गया है और तुम्हारे आदमियों ने आकर मेरे आदमियों को गिरफ़्तार कर लिया है और उनका माल लूट लिया है। मुझ पर तुम इतनी कृपा करो कि इन आदमियों को मेरे पास भेज दो और उनके माल-असबाब का पता कर लो क्योंकि ये आदमी मेरे पास भेजे गये हैं; और अगर तुम मुझसे कुछ चाहते हो तो कहलवा दो, मैं इन्कार न करूंगा, मेरे भाई, मेरे लिए उन आदमियों को रिहा कर दो।" और खलील-बेग़ ने फ़ौरन उन सब आदमियों को रिहा करके देरबेन्त भेज दिया। यहां से उन्हें शीरवानशाह के पड़ाव में भेज दिया गया।

हम भी शीरवानशाह के पड़ाव में गये और उससे नम्रतापूर्वक अनुरोध किया कि वह हमें रूस पहुंचने के लिए ज़रूरी साधन-सामग्री दिलाने की कृपा करे। लेकिन उसने हमें कुछ भी न दिया क्योंकि हम बहुत लोग थे। फिर हम रो पड़े और एक दूसरे से विदा ली। जिनके पास रूस में कुछ ज़मीन-जायदाद थी वे रूस के लिए रवाना हुए और जो

क़र्ज़दार थे वे जिधर राह मिली उधर ही चले गये; कुछ एक आदमी शेमाखा[19] में रहे जबकि कुछ और बाकू में रोटी कमाने गये।

जहां तक मेरी बात है, मैं देरबेन्त गया और देरबेन्त से बाकू, जहां अमर अग्नि जलती है; और बाकू से समुद्र पार करके मैं चपाकुर[20] गया जहां मैं छः महीने रहा; फिर एक महीना मज़ान्देरान देश के सरी[21] नामक स्थान में रहा। फिर मैं आमूल[22] गया और वहां एक महीना रहा। वहां से मैं देमावेन्द[23] और देमावेन्द से रेई[24] गया। वहां अली के बेटे और मुहम्मद के पोते शाह हुसेन की हत्या हुई थी; उसने ऐसा अभिशाप दिया जिससे ७० क़स्बे मटियामेट हो गये। रेई से मैं काशान[25] गया और वहां एक महीना रहकर नाईन[25] गया और नाईन से येज़्द पहुंचकर वहां भी एक महीना रहा। फिर येज़्द से सीरजान[25] गया और वहां से तारूम,[25] जहां चार आलतीन के लिए एक बटमन[26] के भाव से खरीदी गयी खजूर मवेशियों को खिलायी जाती है। फिर तारूम से मैं लार[27] गया और लार से बेन्देर[28] और यहीं है होरमूज़[29] की बन्दरगाह और हिन्द सागर भी जिसे फ़ारसी में हिन्दुस्तान का सागर कहते हैं। और बेन्देर से होरमूज़ समुद्री मार्ग से चार मील दूर है।

और होरमूज़ एक टापू पर स्थित है जो दिन में दो बार सागर के जल से प्लावित होता है। वहां मैंने प्रथम ईस्टर मनाया। मैं वहां इस पर्व से चार सप्ताह पहले पहुंच गया था।

ऊपर मैंने सभी शहरों की सूची नहीं दी है क्योंकि बड़े बड़े शहरों की संख्या बहुत बड़ी है। होरमूज़ में धूप बहुत ही तेज़ है यहां तक कि किसी को जला भी डाले। मैं वहां एक महीना रहा और ईस्टर के बाद के पहले सप्ताह में घोड़ों से लदे हुए एक डब्बे पर हिन्द सागर की यात्रा आरंभ कर दी।

और समुंदर से मस्कत[30] पहुंचने में दस दिन लगे और मस्कत से देगा[31] तक चार दिन। देगा से हम गुजरात गये और वहां से खंभात[32], जहां नील और लाह मिलती है। खंभात से हम चौल[33] गये। हमारा डब्बा छः सप्ताह में चौल पहुंचा और ईस्टर के बाद के सातवें सप्ताह में हमने चौल से विदा ली।

यह रही हिन्दुस्तान की भूमि। यहां हर कोई नंगे बदन से घूमता है। स्त्रियां नंगे सिर और अनावृत वक्ष से चलती हैं; उनके बाल एक बेनी में गुंथे होते हैं। बहुत सी स्त्रियां गर्भवती हैं, वे हर वर्ष प्रसव करती हैं और उनके कई बच्चे होते हैं। सब स्त्री-पुरुष काले हैं। जहां कहीं मैं गया, बहुत से लोग मेरे पीछे पीछे आये और मुझे, एक सफ़ेद आदमी को, आश्चर्य से देखते रहे।

और उनका राजा सिर पर फेंटा बांधता है और कमर से एक धोती पहनता है; उसके सामन्त एक धोती कंधों पर ओढ़ते हैं और दूसरी कमर में पहनते हैं; उनकी रानियां एक धोती कंधों पर ओढ़ती हैं और दूसरी कमर में पहनती हैं। जहां तक राजाओं और सामन्तों के सेवकों का संबंध है, वे कमर में धोती पहनते हैं और उनके हाथों में ढाल और तलवार होती हैं, जबकि और लोगों के पास भाले या छुरे या कटारें या धनुष और बाण होते हैं। ये सभी नंगे बदन, नंगे पांव और बलवान् होते हैं। और स्त्रियां नंगे सिर और अनावृत वक्ष से घूमती हैं; जहां तक छोटे लड़के-लड़कियों का संबंध है, वे अपनी उम्र के सातवें वर्ष तक पूरी तरह नंगे रहते हैं और लज्जा-संकोच नहीं करते।

चौल से पाली[34] तक स्थल मार्ग से जाने में हमें आठ दिन लगे। ये दोनों हिन्दुस्तानी क़स्बे हैं। पाली से उमरा जाने में दस दिन लगते हैं। उमरा एक और हिन्दुस्तानी क़स्बा है। उमरा से जुन्नर[35] पहुंचने में छः दिन लगते हैं। जुन्नर में हिन्दुस्तानी आसद-खान[36] रहता है जो मलिक-अत-तुज्जार का सेवक है; कहते हैं कि मलिक-अत-तुज्जार से उसे ७०,००० आदमी मिले हैं। और मलिक-अत-तुज्जार के पास २,००,००० आदमी हैं, वह २० साल से काफ़िरों[37] का मुक़ाबिला कर रहा है; कभी कभी वे उसे मात देते हैं लेकिन अकसर वह उन्हें। खान आदमियों (पालकी) की सवारी करता है। उसके पास कई हाथी और अच्छे घोड़े हैं। उसके पास बहुत से खोरासानी आदमी हैं जो खोरासान[38]

से, या अरब से, या तुर्कमन देश से और जगताई[39] से लाये गये हैं। वे हमेशा समुद्री मार्ग से डब्बों पर लाये जाते हैं। हिन्दुस्तानी जहाज़ डब्बे कहलाते हैं।

और मैं, एक पापी आदमी, हिन्दुस्तान की भूमि में एक घोड़ा ले आया। खुदा का शुक्र है कि मैं सकुशल जुन्नर पहुंचा। एक सौ रूबल राह-खर्च हुआ। त्रयी रविवार के दिन वहां शीतकाल आरंभ हुआ। जाड़े के दिन हमने जुन्नर में बिताये। वहां हम दो महीने रहे। पूरे चार महीने सर्वत्र पानी और कीचड़ रहा, दिन में भी और रात में भी। यह ज़मीन जोतने का और गेहूं, और धान, और दालों, और अन्य सभी खाद्यान्नों की बुवाई का मौसम है। बड़े बड़े नारियलों में शराब बनायी जाती है और ततना[40] से बीयर। घोड़ों को दाल खिलायी जाती है और उनके लिए चीनी और घी के साथ खिचड़ी बनायी जाती है। बड़े सवेरे उन्हें चावल की रोटी भी खिलायी जाती है। हिन्दुस्तान में घोड़े नहीं पैदा होते लेकिन बैल और भैंसे होते हैं। इनका उपयोग सवारी के लिए और कभी कभी माल ढोने के लिए किया जाता है—ग़रज़ यह कि वे सब तरह का काम करते हैं।

जुन्नर का क़स्बा एक पहाड़ी टापू पर बसा हुआ है जो आदमी का बनाया नहीं बल्कि भगवान् का निर्माण किया हुआ है। वहां पहुंचने के लिए दिन भर पहाड़ की चढ़ाई करनी पड़ती है, रास्ता बहुत ही तंग है और दो आदमी एक साथ नहीं आ-जा सकते।

हिन्दुस्तान में परदेसी सरायों में ठहरते हैं जहां उनके लिए स्त्रियां खाना पकाती हैं और मेहमानों के बिस्तर बनाती हैं। जाड़े में वहां के लोग एक धोती कमर में पहनते हैं, दूसरी कंधों पर ओढ़ते हैं और सिर पर फेंटा बांधते है। जहां तक राजाओं और सामन्तों की बात है, वे उस मौसम में पाजामा, कमीज़ और फतूही पहनते हैं; वे भी एक धोती अपने कंधों पर ओढ़ते हैं, दूसरी कमर में पेटी के रूप में कसते हैं और सिर पर फेंटा बांधते हैं।

और वहां जुन्नर में खान ने मेरा घोड़ा छीन लिया। लेकिन जब उसे पता लगा कि मैं मुसलमान नहीं बल्कि रूसी हूं, तो वह बोला : "अगर तुम हमारा मुहम्मदी मज़हब अपनाओ तो मैं तुम्हें तुम्हारा घोड़ा लौटा दूंगा और एक हज़ार स्वर्ण-मुद्राएं भी दूंगा। लेकिन अगर तुम मुहम्मदी मज़हब न अपनाओ तो मैं घोड़ा तो रख ही लूंगा, अलावा इसके तुमसे एक हज़ार स्वर्ण-मुद्राओं का जुर्माना वसूल करूंगा।" और उसने मुझे परम पवित्र भगवज्जननी के व्रत के दौरान हमारे मोक्षदाता के दिन तक चार दिन की अवधि दी। और प्रभु ने अपने पवित्र दिवस पर मुझ पर दया की, उसने मुझे, एक घोर पापी को अपनी दया से वंचित न रखा और मुझे जुन्नर में नास्तिकों के बीच नष्ट न होने दिया। खोजा मुहम्मद खोरासानी हमारे मोक्षदाता के दिन की पूर्व संध्या को आ पहुंचा और मैंने उससे नम्रतापूर्वक अनुरोध किया कि वह मेरे लिए वकालत करे। और वह क़स्बे में खान के पास गया और उससे अनुनय की कि वह मेरा धर्म परिवर्तन न करे; वह मेरा घोड़ा भी वापस लाया। हमारे मोक्षदाता के दिन प्रभु ने यह चमत्कार दिखाया। अतः मेरे रूसवासी ईसाई भाइयो, अगर आप को हिन्दुस्तान देश जाना हो तो आप को अपना धर्म रूस ही में रखना चाहिए और हिन्दुस्तान देश के लिए रवाना होने से पहले मुहम्मद को मनाना चाहिए।

मुसलमानों ने मुझसे माल की समृद्धि की बात की थी लेकिन मैंने देखा कि वहां हमारे देश के लिए कुछ नहीं है। सारा चुंगी-माफ़ माल सिर्फ़ मुसलमान मुल्क के लिए है। गोल मिर्च और रंग सस्ते हैं। कुछ लोग अपना माल समुद्र मार्ग से ले जाते हैं, कुछ लोगों को उस पर चुंगी नहीं देनी पड़ती। लेकिन हमें बिना चुंगी अदा किये माल ले जाने की इजाज़त नहीं मिलेगी। और चुंगी बहुत भारी है; अलावा इसके समुद्री डाकू भी बहुत हैं। और सभी समुद्री डाकू मूर्तिपूजक हैं, वे न ईसाई हैं और न मुसलमान ही; वे पत्थर की मूर्तियों की पूजा करते हैं और ईसा को जानते नहीं।

और हम पवित्र भगवज्जननी के स्वर्गारोहण दिवस पर जुन्नर से बिदर[41] के लिए रवाना हुए। यह एक बड़ा शहर है। वहां पहुंचने में हमें एक महीना लगा; और बिदर से कुलुंगीर[41] तक पांच दिन का सफ़र है और कुलुंगीर

से गुलबर्गा[41] तक भी उतना ही। इन दो बड़े शहरों के बीच कई दूसरे क़स्बे हैं; हर दिन हमारे रास्ते में तीन क़स्बे पड़ते हैं और कभी कभी चार भी; हर कोस पर एक एक क़स्बा है। चौल से जुन्नर २० कोस और जुन्नर से बिदर ४० कोस दूर है, और बिदर से कुलुंगीर और बिदर से गुलबर्गा भी नौ कोस दूर है।

बिदर में घोड़े और विभिन्न प्रकार का माल बेचा जाता है; जैसे: कमखाब, रेशम और सब तरह के दूसरे सामान; यहां काले आदमी भी बेचे जाते हैं। और कुछ नहीं बेचा जाता। और माल सारे हिन्दुस्तान से आता है। जहां तक खाने की चीज़ों का सवाल है, सिर्फ़ साग-सब्ज़ी बेची जाती है, और कुछ नहीं। रूस देश के लिए वहां कोई माल नहीं है।

सारे हिन्दुस्तानी राजा ख़ोरासानी हैं और सारे सामन्त भी। और हिन्दुस्तान के सारे लोग पैदल चलते हैं और तेज़ चलते हैं और सब के सब नंगे बदन और नंगे पांव होते हैं; उनके एक हाथ में ढाल और दूसरे में तलवार होती हैं। कुछ सेवकों के पास लंबे, सीधे धनुष और बाण होते हैं। और वे हमेशा पैदल सेना को आगे भेजते हैं, हाथी पर बैठकर लड़ते हैं, जबकि ख़ोरासानी घोड़े की सवारी करते हैं। वे और उनके घोड़े दोनों बख़्तर पहने होते हैं। जहां तक हाथियों की बात है, उनकी सूंडों और दांतों में लंबी गढ़ी तलवारें बंधी रहती हैं जिनमें से हर एक का वज़न एक कंतार होता है; वे लोहे का बख़्तर पहने होते हैं और उनकी पीठ पर क़िले लदे होते हैं; और हर क़िले में बारह बख़्तरबंद आदमी बैठते हैं जिनके पास तोपें और तीर होते हैं।

आलंद[42] में एक जगह है शेख़ अला-उद्दिन का मक़बरा जहां साल में एक बार मेला लगता है और वहां दस दिन व्यापार करने के लिए सारे हिन्दुस्तान देश से लोग आते हैं। यह बिदर से दस कोस दूर है। वहां घोड़े बेचने के लिए लाये जाते हैं जिनकी संख्या बीस हज़ार तक होती है। तरह तरह के दूसरे सामान भी लाये जाते हैं। हिन्दुस्तान देश में यही सर्वोत्तम मेला है। वहां सारी चीज़ें शेख़ अला-उद्दिन की यादगार में बेची या ख़रीदी जाती हैं। यह पवित्र भगवज्जननी के मध्यस्थीकरण[43] के रूसी पर्व के दौरान होता है। आलंद में घुग्घू नामक एक पंछी होता है; यह रात में 'घुग्घू' 'घुग्घू' चिल्लाता हुआ उड़ता है, जब कभी वह किसी घर के छप्पर पर बैठता है तो उस घर का कोई आदमी मर जाता है; और जब कोई उसे (घुग्घू को) मार डालना चाहता है उस समय वह आग उगलने लगता है। रात में बन-बिलाव चोरी चोरी आकर मुर्गियां पकड़ लेते हैं; वे पहाड़ियों में या चट्टानों पर रहते हैं। जहां तक बन्दरों की बात है, वे जंगलों में रहते हैं; और बन्दरों का एक राजा होता है जो एक सेना का नेतृत्व करता है। और जब कभी काई उन्हें सताता है, वे अपने राजा के पास शिकायत ले जाते हैं और राजा अपनी सेना के साथ अपराधियों पर धावा बोल देता है। फिर ये बन्दर संबंधित क़स्बे पर टूट पड़ते हैं और घरों को तहस-नहस कर देते हैं और आदमियों को मार डालते हैं। कहा जाता है कि उनके पास एक बहुत बड़ी सेना है और उनकी अपनी एक जबान भी है; उनके कई बच्चे पैदा होते हैं लेकिन जो बच्चे अपने बाप या मां के समान नहीं होते उन्हें सड़क पर छोड़ दिया जाता है। फिर हिन्दुस्तान के लोग उन्हें लेते हैं और कुछ फुटकर दस्तकारी सिखाते हैं, लेकिन वे कुछ बच्चों को बेच देते हैं; यह काम वे रात में करते हैं ताकि बच्चे भागकर वापस न आयें। कुछ बच्चों को वे नटों के करतब सिखाते हैं।

पवित्र भगवज्जननी के मध्यस्थीकरण पर्व के साथ वसन्त का आगमन हुआ; वसन्त में, मध्यस्थीकरण पर्व के एक पखवाड़े के बाद शेख़ अला-उद्दिन की यादगार में आठ दिन का उत्सव मनाया जाता है। वसन्त, ग्रीष्म, शिशिर और शरद में से हर ऋतु तीन महीने की होती है।

और बिदर मुसलमानी हिन्दुस्तान[44] की राजधानी है। यह एक बड़ा शहर है और उसमें बहुत लोग रहते हैं। सुलतान बहुत ही जवान है—उसकी उम्र सिर्फ़ बीस साल है—और कारोबार चलाते हैं ख़ोरासानी राजा और सामन्त; लड़ाइयों में लड़ते भी हैं ख़ोरासानी।

शहर में मलिक-अत-तुज्जार ख़ोरासानी रहता है। इस सामन्त के पास २,००,००० सैनिकों वाली सेना है। मलिक-ख़ान के पास १,००,००० और फ़रहाद-ख़ान[45] के पास २०,००० सैनिक हैं। और कई ख़ानों के पास दस दस हज़ार सैनिक हैं। सुलतान ३,००,००० की सेना लेकर लड़ाई पर जाता है। इस मुल्क की आबादी बहुत घनी है; यहां के ग्रामवासी बहुत ग़रीब हैं, लेकिन सामन्त धनी हैं और ऐश करते हैं; वे चांदी की पालकियों में घूमते हैं, सुनहरी साज़ वाले बीस बीस घोड़े उनके आगे आगे चलते हैं और ३०० घुड़सवार, ५०० पैदल सिपाही, १० तुरही वाले, १० डंका वाले और १० बांसुरी वाले पीछे पीछे। और सुलतान अपनी मां और बीवी को साथ लेकर मनोरंजन के लिए जाता है। १०,००० घुड़सवार और ५०,००० पैदल सिपाही उसके साथ जाते हैं। सुनहरी मुलम्मेदार बख़्तर वाले २०० हाथी भी आगे आगे चलते हैं। अलावा इसके सुलतान के आगे आगे १०० तुरही वाले, १०० नर्तक और सुनहरी साज़ों वाले ३०० कोतल चलते हैं और पीछे पीछे १०० बन्दर और १०० गौरिकाएं यानी दासियां चलती हैं।

सुलतान के महल के सात दरवाज़े हैं। हर दरवाज़े पर १०० पहरेदार और १०० काफ़िर कातिब रहते हैं; इनमें से कुछ कातिब अन्दर आनेवालों के और कुछ बाहर जानेवालों के नाम दर्ज कर लेते हैं, लेकिन परदेसियों के लिए महल में जाना मना है। और महल बहुत ही ख़ूबसूरत है, उसमें सब जगह नक़्क़ाशी और मुलम्मे का काम है, हर पत्थर पर नक़्क़ाशी और सुनहरी रंग में ख़ूबसूरत काम है। महल के अन्दर तरह तरह के बर्तन हैं।

कोतवाल द्वारा तैनात किये गये एक हज़ार सिपाही रात में बिदर शहर में गश्त लगाते हैं; वे घोड़ों पर सवार होते हैं, बख़्तर पहने रहते हैं और उनके पास मशालें होती हैं। मैंने अपना घोड़ा बिदर में बेच दिया; एक साल से वह मेरे पास था, और मैं उस पर ६८ फ़नाम खर्च कर चुका था। बिदर की सड़कों पर चौदह चौदह फ़ुट लंबे सांप रेंगते हैं। मैं फ़िलीप्प स्मृति[46] पर्व के दौरान कुलुंगीर से बिदर आ पहुंचा और बड़े दिन पर अपना घोड़ा बेच दिया।

और मैं ईस्टर के उपवास तक बिदर में रहा। वहां मैं कई हिन्दुओं से परिचित हुआ और उनसे मैंने कहा कि मैं ईसाई हूं, मुसलमान नहीं, और मेरा नाम अफ़नासी निकीतिन या मुसलमानी ज़बान में ख़ोजा युसुफ़ ख़ोरासानी[47] है। वे खाना खाते, व्यापार करते, प्रार्थना करते या अन्य कोई काम करते समय मुझसे दूर नहीं रहे और उन्होंने अपनी पत्नियों को भी छिपाकर नहीं रखा।

मैंने उनसे उनके धर्म के बारे में प्रश्न किये और उन्होंने उत्तर दिया: "हम आदम में विश्वास करते हैं" और वे कहते हैं, यह "बुत हैं आदम और उसके सारे संबंधी।" हिन्दुस्तान में कुल मिलाकर ८४ धर्म[48] हैं और हर कोई बुत में विश्वास करता है। भिन्न भिन्न धर्मों के अनुयायी साथ साथ न खाना खाते हैं और न पानी पीते हैं, उनके परस्पर विवाह संबंध भी नहीं होते; कुछ धर्मों के लोग भेड़-बकरी का मांस, मुर्ग़ी, मछली और अंडे खाते हैं लेकिन किसी भी धर्म का अनुयायी गोमांस नहीं खाता।

मैंने बिदर में चार महीने बिताये और कुछ हिन्दुस्तानियों के साथ पर्वत[49] जाना स्वीकार किया। यह उनका यरुशलेम या मुसलमानी ज़बान में मक्का है जहां उनका मुख्य बुतख़ाना है। बुतख़ाने पहुंचने में हमें एक महीना लगा। बुतख़ाने के इर्दगिर्द पांच दिन बाज़ार लगता है। और बुतख़ाना बहुत बड़ा—त्वेर के आधे हिस्से के बराबर—है और यह पत्थर का बना है जिसमें बुत के कार्य खुदे हैं; कुल मिलाकर नक़्क़ाशी की एक के ऊपर एक बारह क़तारें हैं जिनमें बुत को चमत्कार दिखाते हुए या हिन्दुस्तानियों के सम्मुख भिन्न भिन्न रूपों में अवतरित होते हुए दिखाया गया है: पहले, एक मनुष्य के रूप में; दूसरे, हाथी की सूंड वाले मनुष्य के रूप में; तीसरे, बन्दर सदृश मनुष्य के रूप में; चौथे, एक क्रूर पशु के रूप में। वह सदा से पूंछ के साथ उनके सम्मुख प्रकट हुआ है और पत्थर में खोदी गयी उसकी पूंछ सात फ़ुट लंबी है। बुत के चमत्कार देखने के लिए सारे हिन्दुस्तान देश से लोग बुतख़ाने जाते हैं। बुतख़ाने के पास बूढ़ी औरतें और जवान लड़कियां सिर मुंडवा लेती हैं; (पुरुष) सिर और दाढ़ी मुंडवा लेते हैं। फिर वे बुतख़ाने में जाते हैं; हर एक को बुत के लिए दो शेषकनी[50] की फ़ीस देनी पड़ती है और हर घोड़े के लिए चार फ़नाम फ़ीस लगायी

जाती है। बुतख़ाने में एकत्र होनेवाले लोगों की संख्या २०,००० और कभी कभी १,००,००० भी होती है। बुतख़ाने में बुत पत्थर का बना हुआ है और सचमुच बहुत ही बड़ा है; उसकी पूंछ उसके एक कंधे पर से लटकती है और उसका दाहिना हाथ ऊपर उठाया और स्तंबूल[51] के सम्राट जुस्तीनियन की तरह सीधा फैलाया हुआ है, जबकि बायें हाथ से वह एक भाला पकड़े है। सिवा लंगोट के उसके शरीर पर कोई और वस्त्र नहीं है; उसका चेहरा बनमानुष का सा है। बाक़ी बुत बिलकुल नंग-धड़ंग हैं, उनके शरीर पर कोई वस्त्र नहीं, और बुत की पत्नियों की मूर्तियां नंग-धडंग और बच्चों के साथ हैं। बुत के सामने एक भीमकाय बैल है जो काले पत्थर का बना है और जिसके सारे शरीर पर सुनहरी मुलम्मा चढ़ा है। लोग इस बैल के खुरों का चुंबन करते हैं और शरीर पर फूल चढ़ाते हैं; बुत पर भी फूल चढ़ाये जाते हैं।

हिन्दु लोग गाय-बैल, भेड़-बकरी, मुर्ग़ी, मछली, सूअर या अन्य किसी भी जानवर का मांस नहीं खाते, यद्यपि सूअर उनके पास बहुत बड़ी संख्या में हैं। वे हर रोज़ दो जून खाना खाते हैं और रात को कुछ नहीं खाते, वे न शराब पीते हैं न शहद-पानी ही। वे मुसलमानों के साथ नहीं खाते पीते। उनका भोजन निकृष्ट होता है और वे एक दूसरे के साथ कभी नहीं खाते पीते, अपनी पत्नियों के साथ भी नहीं। वे चावल और खिचड़ी घी के साथ खाते हैं और घी और दूध में उबालकर विभिन्न वनस्पतियां। और वे सब चीज़ें दाहिने हाथ से खाते हैं, खाने की कोई भी चीज़ बायें हाथ से नहीं छूते; वे न छुरियों का उपयोग करते हैं और न उनके पास चमचे ही होते हैं। यात्रा करते समय हर कोई अपने साथ खाना पकाने के लिए एक बर्तन रखता है। वे मुसलमानों से छिपे रहते हैं ताकि कहीं बर्तन या भोजन पर उनकी नज़र न पड़े। और अगर भोजन पर मुसलमान की नज़र पड़ जाये तो कोई हिन्दु उसे खाता नहीं। खाना खाते समय कुछ लोग अपने को रूमाल से ढंक लेते हैं ताकि कोई उन्हें देख न ले।

और वे रूसी तरीक़े से पूर्व की ओर मुंह करके प्रार्थना करते हैं; वे दोनों हाथ ऊपर उठाकर अपने माथे पर रखते हैं, और औंधे मुंह ज़मीन पर पसर जाते हैं—इस तरह वे आराधना करते हैं। और जब वे खाना खाने बैठते हैं उस समय कुछ लोग हाथ-पैर धो लेते हैं और कुल्ला भी करते हैं। उनके बुतख़ानों में दरवाज़े नहीं होते, और बुतख़ाने पूर्वाभिमुखी होते हैं; बुत भी पूर्वाभिमुखी होते हैं। और जब किसी का देहान्त होता है तो वे उसे जलाते हैं और राख पानी पर छिड़क देते हैं। और जब कोई स्त्री बच्चे को जन्म देती है उस समय उसका पति प्रसव में उसकी सहायता करता है; पुत्र का नामकरण पिता करता है और कन्या का माता। आते या जाते समय वे मठवासियों की तरह झुककर दोनों हाथों से भूमि का स्पर्श करते हैं किन्तु कहते कुछ नहीं।

वे अपने बुत की आराधना करने के लिए उपवास के दौरान पर्वत जाते हैं; यह उनका यरुशलेम या मुसलमानी ज़बान में मक्का है। और वे सब नंगे बदन आते हैं; वे सिर्फ़ एक लंगोटी पहने होते हैं; स्त्रियां भी नंगे बदन और केवल एक कटि वस्त्र पहने होती हैं; उनमें से कोई कोई धोतियां, गले में मोती-माला, कई नील-मणि और हाथ में सोने के कंगन और अंगूठियां भी पहने होती हैं, हां सचमुच। और वे बैल पर सवार होकर बुतख़ाने जाते हैं, और हर बैल के सींगों पर पीतल का आवरण होता है, और गले में लगभग ३०० घंटियां होती हैं और खुरों में नाल। और इन बैलों को "पिता" कहते हैं। हिन्दु लोग बैल को "पिता" और गाय को "माता" कहते हैं; गोबर का उपयोग वे रोटी सेंकने और अपना खाना पकाने के लिए ईंधन के रूप में करते हैं और राख अपने चेहरों, माथों और शरीरों में मलते हैं। यह उनकी निशानी है। रविवार और सोमवार को वे सिर्फ़ एक बार यानी दोपहर को खाना खाते हैं। ग़ुलाम सस्ते हैं, एक अच्छी काली ग़ुलाम लड़की की क़ीमत चार या पांच फ़नाम है।

मैं महान् मुसलमानी पर्व उलू-बैराम[52] से एक पखवाड़ा पहले पर्वत से बिदर आया। और मैं नहीं जानता कि ईस्टर का रविवार, ईसा के पुनरुत्थान का महान् दिवस कब पड़ता है, अतः मैं अनुमान से समझने का प्रयत्न करता हूं: ईसाइयों का ईस्टर मुसलमानी बैराम के नौ या दस दिन पहले पड़ता है। मेरे पास कुछ नहीं है—किताबें भी नहीं;

रूस से (रवाना होते समय) हमने अपने साथ किताबें ले ली थीं लेकिन जब मेरी चोरी हो गयी उस समय किताबें भी छीन ली गयीं। और ईसाई धर्म और ईसाई पर्वों के बारे में मुझे जो कुछ मालूम था, मैं सब का सब भूल गया हूं; मैं नहीं जानता कि ईस्टर, या बड़ा दिन, या बुधवार, या शुक्रवार कब पड़ता है। और चूंकि मेरे चारों ओर अन्यान्य धर्म हैं इसलिए मैं भगवान् से प्रार्थना करता हूं कि वह मेरी रक्षा करे: "हे प्रभु भगवान्, हे सत्य के भगवान्, हे दयामय भगवान्, मेरे स्रष्टा, तुम मेरे प्रभु हो। भगवान् एक, महाप्रभु, धरती और स्वर्ग का निर्माता है।"

और मैं यह सोचता हुआ रूस वापस जा रहा हूं कि मेरा धर्म चला गया क्योंकि मैंने मुसलमानों के साथ रोज़े रखे हैं। मार्च का महीना बीत चुका है, और एक महीने से मैं किसी तरह का मांस नहीं खा रहा हूं, मुसलमानों के साथ रोज़े रख रहा हूं और कोई चरबीदार चीज़ – मुसलमानों का खाना भी – नहीं खा रहा हूं और हर रोज़ सिर्फ़ दो बार खाना खाता हूं – सिर्फ़ रोटी और पानी, और कुछ नहीं। और मैंने सर्वशक्तिमान् भगवान का, स्वर्ग और धरती के निर्माता का ध्यान रखा है और केवल उसका नाम लिया है: उस दयामय, सर्वशक्तिमान् भगवान् का जिसने हमें बनाया।

और समुद्री मार्ग से होरमूज़ से कलहाट १० दिन, और कलहाट से देगा छः दिन, और देगा से मस्कत छः दिन, और मस्कत से गुजरात १० दिन, और गुजरात से खंभात चार दिन, और खंभात से चौल १२ दिन, और चौल से दाभोल छः दिन का सफ़र है। जहां तक दाभोल की बात है, यह हिन्दुस्तान का एक बन्दरगाह है, मुसलमानों का आखिरी बन्दरगाह है।

और दाभोल[53] से कालिकत[54] २५ दिन, और कालिकत से लंका १५ दिन, और लंका से शबाइत[55] एक महीने, और शबाइत से पेगू[56] २० दिन और पेगू से चीन और माचीन[57] एक महीने का सफ़र है। और ये सभी समुंदरी सफ़र हैं। और चीन से कैथे[58] छः महीने खुश्की का और चार दिन समुंदर का सफ़र है। भगवान् मेरे आश्रयस्थान को आभूषित करे।

होरमूज़ एक बड़ा बन्दरगाह है। सारे संसार से लोग यहां आते हैं और उसके बाज़ार में सब तरह का माल बेचा जाता है। धरती पर बनायी गयी हर चीज़ होरमूज़ में मिल सकती है। लेकिन चुंगी बहुत भारी – हर चीज़ की क़ीमत का दसवां हिस्सा – है।

और खंभात एक ऐसा बन्दरगाह है जहां से सारे हिन्द सागर पर जहाज़ रवाना होते हैं और यह माल की दृष्टि से समृद्ध है; यहां अलाचा[59], टफ़ेटा, मोटा ऊनी कपड़ा और नील हमेशा बनाये जाते हैं और लाह, इन्द्रगोप और लौंग भी मिलते हैं। दाभोल एक बहुत बड़ा बन्दरगाह है और यहां मिस्र, अरब, खोरासान, तुर्किस्तान और पुराने होरमूज़ से घोड़े लाये जाते हैं; और यहां से बिदर और गुलबर्गा तक एक महीने का खुश्की का सफ़र है।

और कालिकत हिन्द सागर का एक बड़ा बन्दरगाह है; और भगवान् न करे कि किसी जहाज़ को वहां से होकर जाना पड़े; क्योंकि वहां से होकर जानेवाला कोई भी जहाज़ बिना चोट खाये समुंदर नहीं लांघ सकता; और यहां गोल मिर्च अदरक, जायफल, इलायची, लौंग, मसाले और कई प्रकार की वनस्पतियां पैदा होती हैं। और वहां हर चीज़ सस्ती है; और गुलाम बहुत अच्छे हैं; वे काले हैं।

और लंका हिन्द सागर का एक बड़ा-सा बन्दरगाह है और वहां बाबा आदम एक ऊंचे पहाड़[60] पर खड़ा रहा था। और लंका के पास रत्न, लाल, चट्टानी स्फटिक, सुलेमानी पत्थर, अंबर, फ़ीरोज़ा और कुरुंड पत्थर मिलता है। वहां हाथी पैदा होते हैं और वे घनफल के हिसाब से बेचे जाते हैं और शुतुरमुर्ग़ वज़न के अनुसार।

और हिन्द सागर का शबाइत बन्दरगाह बहुत बड़ा है। वहां हर छोटे-बड़े खोरासानी को रोज़ाना एक टंगा[61] की तनखाह दी जाती है। और जब कोई खोरासानी वहां शादी कर लेता है तो उसे शबाइत के राजा से एक हज़ार टंगों का अनुदान मिलता है और इसके अलावा माहवार दस टंगे तनखाह के बतौर और उतने ही और खाने-पीने के लिए दिये जाते हैं। और शबाइत में रेशम और चन्दन और मोती मिलते हैं और यह सब सस्ता है।

पेगू का बन्दरगाह छोटा नहीं है और यहां अधिकांश हिन्दुस्तानी दरवेश रहते हैं। और यहां रत्न – माणिक और नील और लाल – मिलते हैं। ये रत्न दरवेशों द्वारा बेचे जाते हैं। और चीन और माचीन के बन्दरगाह बहुत बड़े हैं और वहां चीनी मिट्टी (की चीज़ें) बनतीं और सस्ते दामों पर वज़न के हिसाब से बेची जाती हैं।

बिदर से शबाइत तीन महीने का और दाभोल से शबाइत दो महीने का समुंदरी सफ़र है। और बिदर से माचीन और चीन तक चार महीने का समुद्री सफ़र है और वहां चीनी मिट्टी की चीज़ें बनायी जाती हैं और सब कुछ सस्ता है। समुद्री मार्ग से लंका पहुंचने में दो महीने लगते हैं। और शबाइत में रेशम और मोती और चन्दन मिलता है; हाथी घनफल के हिसाब से बेचे जाते हैं।

लंका में बन्दर, लाल और स्फटिक मिलते हैं और कालिकत में गोल मिर्च, जायफल, लौंग, सुपारी और रंग। गुजरात में नील और लाह और खंभात में इन्द्रगोप होते हैं। रायचूर[62] में खान से पुराने और नये हीरे निकाले जाते हैं, एक पोचका[63] हीरे की क़ीमत पांच रूबल है और अगर बहुत अच्छा हो तो १० रूबल, लेकिन एक पोचका नये हीरे की क़ीमत सिर्फ़ पांच कनी[64], धुंधले से हीरे के पोचके की चार से छः कनी और सफ़ेद हीरे के पोचके की एक टंगा होती है। हीरे एक चट्टानी पहाड़ से खोद निकाले जाते हैं। हीरे यदि नये हों तो एक घन कुहनी के लिए २,००० स्वर्ण पौंड और यदि पुराने हों तो १०,००० स्वर्ण पौंड की दर से यह पहाड़ बेचा जाता है। और इस स्थान का मालिक मलिक-खान है जो सुलतान का सेवक है; और वह (स्थान) बिदर से ३० कोस दूर है।

और यहूदी दावा करते हैं कि शबाइत उनका अपना है, लेकिन यह झूठ है। शबाइतवासी न यहूदी हैं, न मुसलमान और न ईसाई ही; उनका धर्म दूसरा ही है, यह है हिन्दु धर्म। वे यहूदियों या मुसलमानों के साथ नहीं खाते-पीते और न वे कोई मांस ही खाते हैं। शबाइत में सब कुछ सस्ता है और वहां रेशम और चीनी बनायी जाती है – ये चीज़ें बहुत ही सस्ती हैं। और जंगलों में बन-बिलाव और बन्दर पाये जाते हैं और वे राहगीरों पर हमला बोल देते हैं, अतः बन्दरों और बन-बिलावों के डर से कोई भी आदमी रात में सफ़र करने की हिम्मत नहीं करता।

और शबाइत से कैथे तक खुश्की से दस महीनों का और बड़े जहाज़ पर चार महीनों का सफ़र है। मोटे मोटे हिरनों की नाभियां काट ली जाती हैं क्योंकि उनमें कस्तूरी होती है। लेकिन जंगली हिरन अपनी नाभियां खेतों या जंगलों में त्याग देते हैं, और इन नाभियों से एक सुगंध फैल जाती है, लेकिन वे उतनी सुगंधित नहीं होतीं क्योंकि वे उतनी ताज़ी भी नहीं होतीं।

मई मास में मैंने हिन्दुस्तान के मुसलमानी बिदर में ईस्टर मनाया और मुसलमानों ने मई मास के एक बुधवार को बैराम का व्रत रखा; और मैंने अप्रैल मास के पहले दिन से व्रत रखना आरंभ कर दिया था। हे श्रद्धावान ईसाइयो, जो कई देशों की यात्रा करते हैं वे अक्सर पाप-कर्म में फंसते हैं और अपने ईसाई धर्म से विचलित हो जाते हैं। और मैं, भगवान् का सेवक अफ़नासी, पूरे हृदय से अपने धर्म के लिए तरस रहा हूं; लेंत के उपवास के दिन और ईस्टर चार बार आये और गये लेकिन मैं – मैं पापी जो ठहरा – नहीं जानता कि ईस्टर, या उपवास, या बड़ा दिन या दूसरा कोई भी पवित्र दिन कब पड़ता है, मैं यह भी नहीं जानता कि कब बुधवार है और कब शुक्रवार। और मेरे पास कोई किताब नहीं है, क्योंकि जब मेरी चोरी हो गयी उस समय मुझसे किताबें भी छीन ली गयीं। और दुर्भाग्य की कई घटनाओं के कारण मैं हिन्दुस्तान गया, क्योंकि रूस ले जाने के लिए मेरे पास कुछ नहीं था, कोई माल बचा ही न था। ईस्टर के पहले रविवार को मैं कैन[65] में था, दूसरे को मज़ान्देरान देश के चपाकुर में, तीसरे को होरमूज़ में और चौथे को हिन्दुस्तान के बिदर में, मुसलमानों के साथ। और वहां मैंने ईसाई धर्म के लिए बहुत आंसू बहाये।

मुसलमान मलिक बहुत देर तक मुझसे आग्रह करता रहा कि मैं मुसलमानी मज़हब अपना लूं। लेकिन मैंने उसे यह जवाब दिया: "मेरे खुदावंद, आप अपने तरीक़े से प्रार्थना कीजिये; और मैं अपने तरीक़े से करूंगा; आप दिन में पांच प्रार्थनाएं करते हैं और मैं तीन; मैं परदेसी हूं लेकिन आप (परदेसी) नहीं।" लेकिन उसने मुझसे कहा: "हां, तुम बताते

हो कि तुम मुसलमान नहीं हो लेकिन तुम ईसाई धर्म भी नहीं जानते।" फिर मैंने इस बात पर बहुत सोच-विचार किया और मन ही मन कहाः "धिक्कार है मुझ घोर पापी को, क्योंकि मैं सत्य मार्ग से भटक गया हूं और दूसरा मार्ग ज्ञात न होने के कारण मुझे अपनी ही राह चलना चाहिए। सर्वशक्तिमान् भगवान्, स्वर्ग और धरती के निर्माता, अपने इस दुखी सेवक से मुंह न मोड़ो। हे भगवान्, मेरे सिरजनहार, मुझे सहारा दो और मुझ पर दया करो; हे प्रभु, मुझे धर्म मार्ग से भटकाओ नहीं बल्कि मुझे अपनी सच्ची राह पर चलाओ, मैंने अपने संकट काल में अवश होकर तुम्हारे नाम पर कोई भी पुण्य-कर्म नहीं किया और सारे दिन पाप-कर्म में बिताये। ईस्टर के चार रविवार मुसलमानी मुल्क में गुज़रे लेकिन मैंने ईसाई धर्म नहीं छोड़ा; और भगवान् जाने आगे क्या होनेवाला है। हे प्रभु, मैं तुममें विश्वास करता हूं; मुझे बचाओ, मेरे भगवान्!"

मुसलमानी हिन्दुस्तान के महान् बिदर में मैंने ईस्टर की रात को आकाश की ओर देखा; ईस्टर के दिन कृत्तिका और मगशिरा नक्षत्र नीचे की ओर थे जबकि सप्तर्षि नक्षत्र पूर्वाभिमुख था।

मुसलमानी बैराम पर्व के दौरान सुलतान की सवारी निकली। जुलूस में २० बड़े वज़ीर थे और ३०० हाथी, जो इस्पात के बख़्तर पहने थे और धात के आवरण वाले क़िले लिये जा रहे थे। और हर क़िले में छः बख़्तरबंद आदमी बैठे थे जिनके पास तोपें और बन्दूकें थीं, और सबसे बड़े हाथी पर १२ आदमी सवार थे। हर हाथी दो बड़े बड़े झंडे लिये जा रहा था और उसके दांतों में लंबी लंबी तलवारें बंधी थीं, हर तलवार का वज़न एक कंतार था, उसकी सूंड में लोहे के भारी वज़न बंधे थे; और उसके कानों के बीच एक बख़्तरबंद आदमी बैठा था और लोहे के एक बड़े अंकुश के सहारे उसे चला रहा था। जुलूस में १,००० कोतल, नक़्क़ारचियों के साथ १०० ऊंट, और ३०० तुरही वाले, और ३०० नर्तक, और ३०० दासियां भी चल रही थीं। और सुलतान नीलमणि जटित फतूही पहने था और उसके शिरस्त्राण की चोटी पर एक बड़ा हीरा जड़ा था, और उसका सगादक[66] नीलमणियों से जटित था, और उसके पास सुनहरी म्यानवाली तीन कटारें थीं और सुनहरा जीन था। और एक काफ़िर एक छाते के साथ बाज़ीगरी करता हुआ उसके आगे आगे दौड़ रहा था और उसके पीछे पीछे बहुत-से पैदल सिपाही चल रहे थे। उसके पीछे बूटेदार रेशमी झूल धारण किये एक सिखाया हुआ हाथी भी चल रहा था; उसके मुंह में लोहे की बड़ी-सी ज़ंजीर थी जिसकी फटकारों से वह लोगों और घोड़ों को सुलतान से दूर रख रहा था। और सुलतान का भाई सुनहरी पालकी में बैठा था और उसके ऊपर मखमली चंदवा तना था जिसका स्वर्ण-कलश नीलमणि जटित था। और यह पालकी बीस आदमियों द्वारा उठायी जा रही थी। और शहंशाह सुनहरी पालकी में बैठा था जिसका चंदवा रेशमी था और कलश सोने का। उसकी पालकी सुनहरे साज़ वाले चार घोड़ों की पीठ पर रखी हुई थी। और उसके चारों ओर बड़ी भीड़ थी और उसके आगे आगे गवैये और बहुत-से नर्तक चल रहे थे। और सब के हाथों में नंगी तलवारें या कटारें, और ढालें, और भाले और धनुष-बाण थे – धनुष लंबे और सीधे थे; और सभी घोड़े बख़्तरबंद थे और उनकी पीठ पर सगादक थे। और कुछ लोग नंगे बदन जा रहे थे, वे लज्जा-रक्षण के लिए केवल लंगोटी पहने थे।

बिदर में पूर्ण चन्द्र तीन दिन रहता है। और वहां कोई मीठी साग-सब्ज़ी नहीं है। हिन्दुस्तान में गरमी तेज़ नहीं है; वह होरमूज़ में और बहरीन[67] में – जहां मोती मिलते हैं – और जिद्दा[68] और बाकू, मिस्र और अरब और लार में भी तेज़ होती है। खोरासान मुल्क में भी गरमी होती है लेकिन उतनी तेज़ नहीं। और जगताई में बहुत गरमी होती है। और शीराज़ और येज़्द और काशान में भी गरमी होती है लेकिन वहां कभी कभी हवा चलती है। और गिलान[69] में गरमी बहुत तेज़ और पसीना निकालनेवाली होती है और शेमाखा में भी वह पसीना निकालनेवाली होती है। बाबीलोन (बगदाद) में और होम्स[70] में और दमिश्क में भी गरमी होती है। लेकिन अलेप्पो में इतनी गरमी नहीं होती। और सिवास[71] में और ग्रुजिया की भूमि में सब चीज़ों की बड़ी समृद्धि है। तुर्की भूमि में भी बड़ी समृद्धि है। वलाचिया[72] भी समृद्ध है और वहां भोजन की चीज़ें सस्ती हैं। पोदोलिया[73] की भूमि भी सब प्रकार से समृद्ध है। भगवान् रूसी भूमि की रक्षा

करे। संसार में उसकी जैसी भूमि कोई और नहीं है यद्यपि रूसी भूमि के सामन्त अन्यायी हैं। रूसी भूमि सुव्यवस्थित हो और वहां न्याय हो। अल्ला, खुदा, हे भगवान्, तंग्री!

हे भगवान्, मैं तुम पर भरोसा करता हूं, हे प्रभु, मुझे बचा लो! हिन्दुस्तान से मैं कहां जाऊं? यदि होरमूज़ जाऊं तो होरमूज़ से खोरासान, जगताई, बहरीन या येज़्द जाने का रास्ता नहीं है। हर जगह कलह चल रहा है। हर जगह राजाओं को उखाड़ फेंका गया है। उजुन हसन-बेग़ ने मिर्ज़ा जहांशाह की हत्या कर डाली, और सुलतान अबू सईद को ज़हर पिलाया गया; उजुन हसन-बेग़ ने शीराज़ में हुकूमत करने की कोशिश की लेकिन उस मुल्क ने उसे नहीं माना। और यादगार मुहम्मद उससे हाथ नहीं मिलायेगा क्योंकि वह डरता है। और दूसरा कोई रास्ता है ही नहीं। और मक्का से होकर जाने का मतलब होगा मुसलमानी मज़हब अपना लेना; उनके मज़हब ही की वजह से ईसाई मक्का नहीं जाते क्योंकि वहां धर्म परिवर्तन करके उन्हें मुसलमान बनाया जायेगा। और हिन्दुस्तान में रहने का मतलब होगा, मेरे पास जो कुछ है वह सब का सब खर्च कर डालना, यहां हर चीज़ महंगी है; अकेले मुझे भोजन पर ढाई आलतिन खर्च करने पड़ते हैं। जहां तक शराब या शहद-पानी का संबंध है, मैंने यहां इनमें से कोई चीज़ ली ही नहीं।

मलिक-अत-तुज्जार ने दो ऐसे हिन्दुस्तानी क़स्बों पर क़ाबू पा लिया जहां से हिन्द सागर पर समुद्री डाकू भेजे जाते थे। और उसने सात राजाओं और उनके खज़ानों पर अधिकार कर लिया। उसे खज़ानों में नीलमणियों की एक गठरी, और हीरों तथा लालों की एक गठरी, और दूसरे क़ीमती सामानों की १०० गठरियां मिलीं। जहां तक दूसरे सामानों की बात है, उसकी सेना ने वे अनगिनत मात्रा में ले लिये। और वह २,००,००० सिपाहियों, १०० हाथियों और ३०० ऊंटों के साथ दो साल क़स्बे के चारों ओर घेरा डाले रहा। और कुरबान-बैराम – रूसी संत पीटर का दिवस – के दिन मलिक-अत-तुज्जार अपनी सेना के साथ बिदर आ पहुंचा। और सुलतान ने शहर से दस कोस पर उससे मिलने के लिए दस वज़ीर भेजे। एक कोस १० वेर्स्ता[74] के बराबर होता है। और हर वज़ीर के पास १०,००० की सेना, और १० बख़्तरबंद हाथी थे।

और मलिक-अत-तुज्जार के घर पर हर रोज़ ५०० आदमी खाना खाने बैठते हैं। और तीन वज़ीर उसके साथ खाना खाने बैठते हैं और हर वज़ीर के साथ ५० आदमी और १०० सामन्त होते हैं। मलिक-अत-तुज्जार की घुड़सालों में २,००० घोड़े हैं, और १,००० घोड़े दिन रात ज़ीन के साथ तैयार खड़े रहते हैं; इसके अलावा १०० हाथी हैं। रात को १०० बख़्तरबंद सिपाही और २० तुरही बजानेवाले और १० नक़्क़ारची उसके दरबार की रखवाली करते हैं और दो आदमी १० नगाड़े बजाते हैं।

और निज़ाम-उल-मुल्क, मलिक खान, और फ़रहाद खान ने तीन बड़े क़स्बों पर क़ाबू पा लिया; उनके पास १,००,००० की सेना और ५० हाथी थे। वे बहुत बड़ी मात्रा में हर तरह के रत्न ले गये; ये रत्न और नीलमणि और हीरे उन्होंने मलिक-अत-तुज्जार के लिए खरीद लिये; उसने उन्हें पवित्र भगवज्जननी के स्वर्गारोहण पर्व पर बिदर में आये हुए सौदागरों को बेचना जौहरियों के लिए मना कर दिया था।

सुलतान हर बृहस्पतिवार और मंगलवार को दिलबहलाव के लिए जाता है और उसके साथ तीन वज़ीर जाते हैं। और उसका भाई अपनी मां और बहन के साथ हर सोमवार को जाता है। और २,००० स्त्रियां भी घोड़ों पर या सुनहरी डोलियों में निकलती हैं। और उनके आगे आगे सुनहरी साज़ वाले १०० कोतल जाते हैं और बहुत से लोग पैदल चलते हैं; और १२ वज़ीर चलते हैं और झूल पहने ५० हाथी भी। और हर हाथी पर चार आदमी बैठे होते हैं, वे केवल लंगोटी पहने होते हैं और उनका बाक़ी शरीर नंगा होता है। उनके पीछे पीछे नंगे बदन स्त्रियां पीने और धोने का पानी लिये पैदल जाती हैं और कोई भी दूसरों से पानी उधार नहीं लेता।

मलिक-अत-तुज्जार हिन्दुस्तानियों को जीतने के लिए शेख अला-उद्दिन के स्मृति-दिन पर यानी पवित्र भगवज्जननी के मध्यस्थीकरण पर्व के दौरान बिदर से रवाना हुआ, और उसके साथ ५०,००० की सेना थी। और सुलतान ने अपनी

५०,००० की सेना और तीन वज़ीरों के साथ ३०, ००० की एक सेना और भेजी; और उनके साथ १०० बख़्तरबन्द हाथी मय क़िलों के गये और हर हाथी पर चार चार सिपाही बन्दूक़ों से लैस बैठे थे। मलिक-अत-तुज्जार विजयनगर[75] का हिन्दू राज्य जीतने के लिए चल पड़ा था।

और विजयनगर के राजा के पास ३०० हाथी, और १,००,००० की सेना और ५०,००० घोड़े हैं। सुलतान ईस्टर रविवार के बाद के आठवें महीने में बिदर से रवाना हुआ और २६ मुसलमान और छः हिन्दु वज़ीर उसके साथ गये। और सुलतान के दरबार से १,००,००० घुड़सवार और २,००,००० पैदल सिपाही और ३०० बख़्तरबन्द हाथी मय क़िलों के, और १०० भयानक जानवर गये जो दो दो ज़ंजीरों से बंधे थे। और सुलतान के भाई के दरबार से १,००,००० घुड़सवार, और १,००,००० पैदल सिपाही, और १०० बख़्तरबन्द हाथी गये। और माल-ख़ान के दरबार से २०,००० घुड़सवार, और ६०,००० पैदल सिपाही, और लड़ाई के साज़ में २० हाथी गये। और बेदेरख़ान और उसके भाई के साथ ३०,००० घुड़सवार और १,००,००० पैदल सिपाही और मय क़िलों के २५ बख़्तरबन्द हाथी गये। और सूल ख़ान के दरबार से १०,००० घुड़सवार, और २०,००० पैदल सिपाही, और मय क़िलों के १० हाथी गये। और वज़ीर-ख़ान के साथ १५,००० घुड़सवार, और ३०,००० पैदल सिपाही, और लड़ाई के साज़ में १५ हाथी गये। और कुतर-ख़ान के दरबार से १५,००० घुड़सवार और ४०,००० पैदल सिपाही और १० हाथी गये। और हर वज़ीर के साथ १०,००० और कुछ एक के साथ १५,००० घुड़सवार और २०,००० पैदल सिपाही गये। और हिन्दुस्तानी अब्दान्तोम[76] के साथ ४०,००० घुड़सवारों, १,००,००० पैदल सिपाहियों और ४० बख़्तरबंद हाथियों की सेना गयी, हर हाथी पर बन्दूक़ों से लैस चार चार सिपाही सवार थे। और सुलतान के साथ २६ वज़ीर गये, और हर वज़ीर के साथ १०,००० घुड़सवार और २०,००० पैदल सिपाही थे, और कुछ एक वज़ीरों के साथ १५,००० घुड़सवार और ३०,००० पैदल सिपाही थे। और चार हिन्दू बड़े वज़ीरों में से हर एक के साथ ४०,००० घुड़सवार और १,००,००० पैदल सिपाही थे। और सुलतान हिन्दुओं से ख़फ़ा हो गया क्योंकि उसके साथ वे बहुत कम संख्या में गये थे और उसने २०,००० पैदल सिपाही, २,००० घुड़सवार और २० हाथी और जोड़ दिये। ऐसी है हिन्दुस्तान के मुसलमान सुलतान की ताक़त, मुसलमानी मज़हब का प्रभाव अभी बना हुआ है। जहां तक सच्चे धर्म की बात है, अकेला भगवान् ही उसे जानता है, और सच्चा धर्म है एक भगवान् में विश्वास करना और हर शुद्ध स्थान में पावित्र्यपूर्वक उसका नाम लेना।

पांचवें ईस्टर रविवार को मैंने रूस के लिए रवाना होने का निश्चय किया। मुहम्मद पैग़ंबर के धर्म के अनुसार जब मुसलमानी उलू-बैराम था उससे एक महीना पहले मैं बिदर शहर से चल पड़ा। जहां तक ईसाइयों के महान् पर्व – ईसा के पुनरुत्थान पर्व – का संबंध है, मैं नहीं जानता कि यह कब मनाना चाहिए, और मैंने मुसलमानों के साथ व्रत रखा और उन्हीं के साथ पारणा की। मैंने ईस्टर गुलबर्गा में मनाया, जो बिदर से २० कोस दूर है।

सुलतान अपनी सेना के साथ उलू-बैराम के बाद के पंद्रहवें दिन गुलबर्गा में मलिक-अत-तुज्जार के पास पहुंचा। और लड़ाई में उनकी हार हुई; उन्होंने एक हिन्दू क़स्बा ले लिया लेकिन उनके बहुत से सिपाही मारे गये और ख़ज़ाने का बहुत धन ख़र्च हुआ। और हिन्दू सूबेदार बहुत ताक़तवर है और उसके पास बड़ी सेना है और वह विजयनगर में एक पहाड़ पर रहता है। और उसका शहर बहुत बड़ा है, वह तीन खाइयों से घिरा हुआ है, और उसके बीच से एक नदी बहती है; शहर के एक ओर घना जंगल है और दूसरी ओर एक बहुत ही सुंदर घाटी, जो हर तरह अच्छी है। दूसरी ओर कहीं से भी नहीं जाया जा सकता क्योंकि सड़क शहर के बीच से होकर जाती है; न ही ऊंचे पहाड़, घने जंगल और कंटीली झाड़ियों के कारण शहर को कहीं से फ़तह भी किया जा सकता है। सेना ने शहर को एक महीना घेर रखा, और कुछ लोग प्यास के कारण मर गये, और बहुत से लोग भुखमरी से और पानी के अभाव में; और यद्यपि उन्हें पानी दिखाई दे रहा था, फिर भी वे कहीं से भी वहां नहीं पहुंच सकते थे। और हिन्दुस्तानी क़स्बा खोजा मलिक-

अत-तुज्जार ने दिन-रात लड़ते हुए ज़बरदस्ती ले लिया; बीस दिन उसकी सेना को खाने-पीने के लिए कुछ न मिला, वे तोपों के साथ क़स्बे को घेरे रहे। और उसके ५,००० चुनिंदा सूरमा खेत रहे। और जब क़स्बा फ़तह किया गया उस समय २०,००० स्त्री-पुरुष मारे गये और २०,००० बालिग़ों और बच्चों को युद्ध-बन्दी बनाया गया। युद्ध-बन्दियों में से हर एक को १० टंगों, कुछ को पांच टंगों और बच्चों को दो टंगों की दर से बेचा गया। लेकिन खज़ाना कुछ न मिला। जहां तक बड़े शहर की बात है, वे उसे नहीं ले सके।

मैं गुलबर्गा से कुलूर[77] गया, और यहीं खानों से इन्द्रगोप निकाला जाता है, शुद्ध किया जाता है और संसार के सभी भागों में भेजा जाता है। कुलूर में तीन सौ हीरा कामगार रहते हैं; वे शस्त्रों को सुशोभित करते हैं। और मैं वहां पांच महीने रहा और वहां से गोलकोंडा[78] गया, जहां बहुत बड़ा बाज़ार है। और वहां से मैं गुलबर्गा गया, और गुलबर्गा से शेख़ अला-उद्दिन, और शेख़ अला-उद्दिन से कामेन्द्रिया, और कामेन्द्रिया से किनारियस, और किनारियस से सूरी, और सूरी से मैं दाभोल गया जो हिन्द महासागर का एक बन्दरगाह है।

दाभोल एक बहुत बड़ा शहर है, और सारे हिन्दुस्तान के किनारे से और इथिओपिया से लोग यहां एकत्र होते हैं। और वहां मैंने – सर्वशक्तिमान् भगवान् के, स्वर्ग और धरती के निर्माता के शापित सेवक अफ़नासी ने – ईसाई धर्म, ईसा के बपतिस्मे, पवित्र पुरोहितों द्वारा प्रस्थापित व्रतों और देवदूत की आज्ञाओं पर सोच-विचार किया और रूस जाने के लिए तरसने लगा। और एक डब्बे पर चढ़कर भाड़े का सौदा कर लिया; होरमूज़ तक के सफ़र के लिए मैंने दो स्वर्ण मुद्राएं दीं।

ईस्टर दिवस या मुसलमानी रोज़ों से तीन महीने पहले मैं दाभोल में जहाज़ पर चढ़ा। और मैंने डब्बे पर एक महीना समुंदर का सफ़र किया, (उस वक़्त) इर्दगिर्द कुछ न दिखाई दे रहा था, और जब दूसरा महीना शुरू हो गया तब कहीं मुझे इथिओपिया के पहाड़ दिखाई देने लगे। उस समय जहाज़ पर के सब लोग चिल्ला उठे: "हे प्रभु भगवान्, तुमने हमारे विनाश के लिए यह स्थान निश्चित किया है।"

और मैंने इथिओपिया की भूमि में पांच दिन बिताये। भगवान् की दया से, हम पर कोई संकट न आया; हमने इथिओपियनों को बहुत-सा चावल, गोल मिर्च और रोटी बांट दी और उन्होंने हमारे जहाज़ पर लूट-खसोट नहीं की। फिर मैं १२ दिन में मस्कत पहुंचा और वहां अपना छठा ईस्टर मनाया। और मैं नौ दिन में होरमूज़ पहुंचा और वहां २० दिन बिताये। होरमूज़ से मैं लार गया और वहां तीन दिन बिताये। लार से मैं १२ दिन में शीराज़[79] पहुंचा और वहां सात दिन बिताये। और शीराज़ से मैं १५ दिन में आबेरकूह[80] पहुंचा और वहां १० दिन बिताये। और आबेरकूह से मैं नौ दिन में येज़्द पहुंचा और वहां आठ दिन बिताये। और येज़्द से मैं पांच दिन में इसफ़हान[81] पहुंचा और वहां छः दिन बिताये। और इसफ़हान से मैं काशान गया और वहां पांच दिन रहा। और मैं काशान से कुम[82] और कुम से सवाह[83] गया। और सवाह से मैं सुलतानिया[84] गया। और सुलतानिया से मैं ताब्रीज़[85] गया। और ताब्रीज़ से मैं हसन-बेग़[86] के पड़ाव में गया और वहां १० दिन रहा क्योंकि मैं अपना सफ़र जारी न रख सकता था। हसन-बेग़ ने तुर्की (सुलतान) से लड़ने के लिए ४०,००० की सेना भेजी थी और इन सिपाहियों ने सिवास फ़तह कर लिया; उन्होंने तोकत[87] लेकर उसमें आग लगा दी, अमास्या[88] फ़तह कर लिया और कई देहातों को तहस-नहस कर दिया। लड़ते लड़ते उसकी सेना ने करामान पर चढ़ाई की। और (उक्त) पड़ाव से मैं एरज़िनजान[89] गया और एरज़िनजान से त्राबज़ोन।

और मैं पवित्र भगवज्जननी के मध्यस्थीकरण दिवस पर त्राबज़ोन[90] आ पहुंचा और वहां पांच दिन रहा। और जहाज़ पर चढ़कर मैंने भाड़े का सौदा कर लिया – काफ़ा[91] तक के सफ़र के लिए मैंने एक स्वर्ण मुद्रा दी; और काफ़ा में मुझे एक स्वर्ण मुद्रा चुंगी के रूप में देनी थी।

त्राबज़ोन में सुबाशी[92] और पाशा ने मुझे बहुत नुक़सान पहुंचाया : वे मेरा सारा सामान-असबाब पहाड़ पर अपने क़स्बे ले गये और बारीकी से तलाशी ली क्योंकि मैं हसन-बेग़ के पड़ाव से आया था ; काग़ज़ात ढूंढते समय जो जो अच्छी चीज़ दिखाई दी वही उन्होंने हड़प ली।

भगवान् की दया से मैं तीसरे समुंदर, याने काले सागर या फ़ारसी भाषा में स्तंबूल सागर तक पहुंच गया। हवा अच्छी चल रही थी और वोनादा[93] पहुंचने में मुझे पांच दिन लगे, लेकिन वहां ज़ोरदार उत्तरी हवा ने हमें रोक लिया और त्राबज़ोन की दिशा में वापस जाने को मजबूर किया। और तेज़ और ख़तरनाक हवा की वजह से हम पंद्रह दिन प्लाताना[94] में लंगर डाले रहे। हमने दो बार प्लाताना से समुंदर में आगे बढ़ने की कोशिश की लेकिन ख़तरनाक हवा ने हमें रोक लिया। हे भगवान्, अब मैं समुद्र लगभग पार कर चुका था लेकिन हवा हमें बलाक्लावा[95] और वहां से गुरज़ूफ़[96] ले गयी जहां हम पांच दिन लंगर डाले रहे।

भगवान् की दया से मैं ईसा-जन्म के व्रत से नौ दिन पहले काफ़ा आ पहुंचा। हे भगवान्, मेरे सिरजनहार! भगवान् की दया से मैंने तीन समुंदर पार किये। शेष अकेला भगवान्, सिरजनहार ही जानता है।

टिप्पणियां

1. देरबेन्त सागर, या ख्वालिस का सागर–कास्पियन सागर।

2. हिन्द सागर, या हिन्दुस्तान का सागर–हिन्द महासागर।

3. स्तम्बूल का सागर–काला सागर।

4. मिखाईल बोरीसोविच–त्वेर के ग्रेंड ड्यूक (१४६१–१४८५)।

5. मोक्षदाता का सुनहरी गुम्बद वाला गिरजाघर–त्वेर (अब कालीनिन) स्थित एक गिरजा। निकीतिन यहां पत्थर के जिस गिरजे का उल्लेख करता है वह १२ वीं शताब्दी के उत्तरार्ध में बनाया गया था।

6. गेन्नादी–त्वेर के बड़े पादरी।

7. पवित्र त्रयी का मठ –कल्याज़िन क़स्बे का एक मठ। यह पुरोहित–श्रेष्ठ (फ़ादर सुपीरियर) मकारियस द्वारा स्थापित किया गया था। निकीतिन इस पादरी से मिलने गया था।

8. यहां कल्याज़िन मठ के एक गिरजे से अभिप्राय है जिसका नामकरण किएव के ग्रेंड ड्यूक, सन्त व्लादीमिर के पुत्र बोरीस और ग्लेब के नाम पर किया गया था। इन्हें रूसी चर्च द्वारा सन्तों की सूची में स्थान दिया गया था।

9. निकीतिन कमा यहां इवान तृतीय वसील्येविच से अभिप्राय है।

10. वसीली पापिन आज़रबैजान के एक उत्तर-पश्चिमी प्रदेश शीरवान के शाह फ़र्रुक-यासार के दरबार में इवान तृतीय द्वारा भेजा गया राजदूत था।

11. सराय–सुनहरी क़बीले की राजधानी।

12. बेरेकेज़ान–आस्त्राख़ान के उत्तर में वोल्गा के डेल्टा की एक बस्ती।

13. बूज़ान–निम्न वोल्गा की एक शाखा, जो आख़्तूबा में जा गिरती है।

14. ख़ान कासिम–आस्त्राखान का पहला ख़ान (१४६६ से)।

15. बुगुन–वोल्गा के मुहाने का एक छिछला हिस्सा।

16. देरबेन्त–कास्पियन के पश्चिमी तट पर स्थित एक क़स्बा जो ईसा की छठी शताब्दी से ज्ञात है।

17. तारकी या तारख़ू–यह कास्पियन सागर के दाग़ेस्तान तट पर एक क़िला था।

18. कैटक–ये देरबेन्त के उत्तर-पश्चिम में, पश्चिमी दाग़ेस्तान के कैटक नामक प्रदेश और सामन्त राज्य के निवासी थे।

19. शेमाख़ा–शीरवान का एक क़स्बा। अब यह आज़रबैजान सोवियत समाजवादी जनतंत्र का एक ज़िला केंद्र है।

20. चपाकुर–कास्पियन के दक्षिणी तट पर स्थित मज़ान्देरान प्रदेश का एक देहात।

21. सरी–कास्पियन के दक्षिण में १५ मील की दूरी पर स्थित एक क़स्बा। यह मज़ान्देरान के उत्तरी ईरानी प्रदेश में पड़ता है। मज़ान्देरान कास्पियन के दक्षिणी तट और एलबुर्ज़ पर्वतमाला के बीच भूमि की एक संकरी पट्टी है।

22. आमूल –मज़ान्देरान प्रदेश का सबसे बड़ा क़स्बा।

23. देमावेन्द–एक पर्वत और शिखर, एलबुर्ज़ पर्वतमाला का सर्वोच्च बिन्दु (१८,३८१ फ़ुट)।

24. रेई–मध्ययुगीन ईरान का एक बहुत बड़ा शहर। तेहरान के दक्षिण-पूर्व में पांच मील की दूरी पर इसके भग्नावशेष हैं।

25. काशान, नाईन, सीरजान और तारूम–ईरानी क़स्बों के नाम।

26. बटमन–एक वज़न जिसका भार स्थान स्थान पर भिन्न होता था।

27. लार–दक्षिणी ईरान का एक क़स्बा। निकीतिन वहां दो बार गया था।

28. 'बेन्देर' (बन्दरगाह)–यहां निकीतिन का अभिप्राय पुराने होरमूज़ से है (अगली टिप्पणी देखिये)।

29. होरमूज़–फ़ारस की खाड़ी का एक द्वीप और पुराना बन्दरगाह। पुराना होरमूज़ तट पर स्थित था।

30. मस्कत–अरब के ओमान तट पर स्थित बन्दरगाह।

31. यह स्पष्ट नहीं है कि निकीतिन 'देगा' किस स्थान को कहता है। उसका अभिप्राय शायद दीव (द्वीप) से है जो पश्चिमी भारत में काठियावाड़ प्रायद्वीप के समीप एक बन्दरगाह है।

32. खंभात–उसी नाम की खाड़ी पर स्थित एक बन्दरगाह।

33. चौल–बम्बई के दक्षिण में मलाबार तट पर स्थित एक बन्दरगाह।

34. पाली–चौल के पूर्व में स्थित एक क़स्बा।

35. जुन्नर–बम्बई के पूर्व में स्थित एक क़स्बा।

36. आसद-खान–शायद मुहम्मद शाह तृतीय के अधीन जुन्नर का सूबेदार। बहामनी वंश द्वारा शासित राज्य दक्खन में १४ वीं शताब्दी के मध्य में स्थापित किया गया था। निकीतिन जब भारत में था उस समय बहामनी सिंहासन पर मुहम्मद शाह तृतीय का अधिकार था। किन्तु शाह की ओर से प्रत्यक्ष शासन उसका वज़ीर मुहम्मद गवान करता था जिसने मलिक-अत-तुज्जार (सौदागरों का राजा) की उपाधि धारण कर ली थी। निकीतिन वज़ीर के वास्तविक नाम के स्थान में बराबर इसी उपाधि से उसका उल्लेख करता है।

37. काफ़िर (नास्तिक)–मुसलमान विजेता ग़ैर-मुसलमानों को इस नाम से पुकारते थे। निकीतिन इस शब्द का प्रयोग केवल हिन्दुओं के संबंध में करता है।

38. खोरासान–उत्तर-पूर्वी ईरान का एक प्रदेश। मध्य युग में इसका विस्तार इस प्रकार माना जाता था: पश्चिम में देश्त-इ-केविर रेगिस्तान से लेकर पूर्व में आमू-दरिया और बदहशान पहाड़ों तक और उत्तर में कारा-कुम रेगिस्तान से लेकर दक्षिण में हिन्दुकुश पर्वतमाला और सेइस्तान प्रदेश तक।

39. जगताई–१३ से १५ वीं शताब्दी तक यह मध्य एशिया का नाम था।

40. ततना–इस वनस्पति से भारत में एक मादक पेय बनाया जाता था।

41. बिदर–दक्खनी पठार का एक क़स्बा जो हैदराबाद के उत्तर-पश्चिम में ६२ मील की दूरी पर है। कुलुंगीर और गुलबर्गा भी दक्खनी क़स्बों के नाम हैं।

42. आलंद–गुलबर्गा के उत्तर-पूर्व में २८ मील की दूरी पर स्थित एक क़स्बा।

43. पवित्र भगवज्जननी का मध्यस्थीकरण पर्व–१ अक्तूबर।

44. वस्तुतः बिदर केवल बहामनियों की राजधानी थी, पूरे मुसलमानी भारत की नहीं।

45. मलिक-ख़ान और फ़रहाद-ख़ान बहामनी शासक मुहम्मद शाह तृतीय के सेनापति थे।

46. सनातनी चर्च के अनुसार ईसा के जन्मदिवस का व्रत १४ नवम्बर से २४ दिसंबर तक होता है।

47. ख़ोजा युसुफ़ ख़ोरासानी – निकीतिन द्वारा धारण किया गया मुसलमानी नाम।

48. निकीतिन का अभिप्राय संभवत: हिन्दु धर्म के अनेकानेक सम्प्रदायों और शाखोपशाखाओं से है।

49. पर्वत – कृष्णा के दक्षिणी तट पर हैदराबाद के दक्षिण-पूर्ण में स्थित एक मन्दिर-समूह।

50. शेषकनी – एक छोटी-सी रौप्य मुद्रा।

51. यह तुलना विजेन्टाइन सम्राट जुस्तीनियन प्रथम की अश्वारूढ़ मूर्ति की पोज़ से है।

52. उलू-बैराम (महान् पर्व) – मुसलमानों के दो मुख्य पर्वों में से एक।

53. १५ वीं शताब्दी में मलाबार तट पर बम्बई के दक्षिण में ८५ मील पर दाभोल एक महत्त्वपूर्ण बन्दरगाह था।

54. १३ वीं और १४ वीं शताब्दी में भारत के मलाबार तट पर कालिकत एक विख्यात बन्दरगाह था।

55. यह स्पष्ट नहीं है कि निकीतिन 'शबाइत' नाम से किस देश का उल्लेख करता है।

56. पेगू – दक्षिणी बर्मा में निम्न इरावती के तट पर स्थित एक प्रदेश।

57. चीन और माचीन – मध्ययुग में मुसलमान लोग चीन को कहते थे। अफ़नासी निकीतिन का संभवत: दक्षिण चीन से अभिप्राय है।

58. 'कैथे' से निकीतिन का अभिप्राय उत्तरी चीन से है।

59. अलाचा – फ़ारस का ऐंठनदार रेशमी और सूती धागों की बुनियाद वाला एक कपड़ा।

60. ऊंचा पहाड़ – लंका में स्थित आदम शिखर। यहां विशाल मानवीय पदचिह्न के आकार का एक गड्ढा बना हुआ है। एक मुसलमानी कथा के अनुसार यह आदम का पदचिह्न है।

61. टंगा – एक रौप्य मुद्रा जिसका वज़न और मूल्य भिन्न स्थानों में भिन्न था।

62. रायचूर – हैदराबाद के दक्षिण-पश्चिम में स्थित एक क़स्बा।

63. पोचका – रत्नों को तौलने का एक पुराना रूसी वज़न जो लगभग १० कैरट के बराबर होता था।

64. कनी – एक छोटी मुद्रा, टंगा (टिप्पणी देखिये) का १/३४ वां भाग।

65. यह स्पष्ट नहीं है कि 'कैन' से निकीतिन का अभिप्राय किस क़स्बे से है।

66. सगादक – घुड़सवार का पूरा साज़-सामान।

67. बहरीन – फ़ारस की खाड़ी का एक द्वीप-समूह।

68. जिद्दा – लाल सागर पर स्थित एक अरबी बन्दरगाह।

69. गिलान – उत्तर-पश्चिम ईरान का एक प्रदेश।

70. होम्स – पुराना एमेसा, शाम का एक क़स्बा।

71. सिवास – ग्रेट सेवास्ते, एशिया माइनर के पूर्वी भाग में किज़िल-इरमाक नदी के तट पर स्थित एक क़स्बा।

72. वलाचिया – रूमानिया का पुराना नाम।

73. पोदोलिया – ऊपरी द्नीस्तर के तट पर स्थित एक रूसी प्रदेश।

74. वेर्स्ता – एक नाप। निकीतिन औसत १० वेर्स्ताओं को एक कोस के बराबर मानता है।

75. विजयनगर – दक्षिण भारत का एक बड़ा शहर जो एक समय एक विशाल सामन्ती राज्य की राजधानी था।

76. अव्दानोम – (ग्रीक 'निरंकुश') यह संज्ञा स्पष्टतया विजयनगर के शासक के लिए प्रयुक्त है।

77. कुलूर – हैदराबाद के दक्षिण-पश्चिम में रायचूर क्षेत्र का हीरों की खान वाला स्थान।

78 गोलकोंडा – गुलबर्गा के दक्षिण-पूर्व में स्थित एक क़स्बा।

79. शीराज़ – दक्षिणी ईरानी फ़ार्स प्रदेश का मुख्य क़स्बा।

80. उत्तरी फ़ार्स में येज़्द के दक्षिण-पश्चिम में स्थित एक क़स्बा।

81. इसफ़हान – मध्य ईरान का एक क़स्बा।

82. कुम – तेहरान के दक्षिण में स्थित एक ईरानी क़स्बा।

83. सवाह – ईरान में कुम के उत्तर-पश्चिम में स्थित एक क़स्बा।

84. सुलतानिया – उत्तरी ईरान में ताब्रीज़ को राजधानी के साथ जोड़नेवाली सड़क पर स्थित एक क़स्बा।

85. ताब्रीज़ – ईरानी आज़रबैजान का एक क़स्बा।

86. हसन-बेग़ – यह तुर्कमान कोयुनलू ('सफ़ेद मेढ़ा') जनजातियों के संसंघ का प्रधान था।

87. तोकत – एशिया माइनर में सिवास के उत्तर में स्थित एक क़स्बा।

88. अमास्या – सिवास (टिप्पणी[71] देखिये) के उत्तर-पश्चिम में येसिल-इरमाक नदी के तट पर स्थित एक क़स्बा।

89. एरज़िनजान – सिवास के पूर्व में आरमेनियाई पहाड़ी प्रदेश का एक क़स्बा।

90. त्राब्ज़ोन (त्रेबीज़ोन्द) – काले सागर के दक्षिणी तट पर स्थित एक क़स्बा।

91. काफ़ा – वर्तमान फ़िओदोसिया, क्राइमिया के दक्षिण-पूर्वी तट पर स्थित बन्दरगाह वाला एक क़स्बा।

92. सुबाशी – ओटोमन तुर्की का एक सामन्ती प्रभु और सैनिकी नेता।

93. वोनादा – काले सागर के दक्षिणी तट पर त्रेबीज़ोन्द के पश्चिम में स्थित एक अन्तरीप।

94. प्लाताना – काले सागर के दक्षिणी तट पर स्थित एक छोटा-सा क़स्बा और बन्दरगाह।

95. बलाक्लावा – क्राइमिया के दक्षिण-पश्चिमी तट पर स्थित एक बन्दरगाह।

96. गुरज़ूफ़ – क्राइमिया के दक्षिणी तट पर स्थित एक बस्ती (आज वहां एक स्वास्थ्य-केन्द्र है)।

उपसंहार

सोवियत संघ और भारत के बीच विशाल दूरियां और संसार भर की सर्वोच्च पर्वतमालाएं फैली हुई हैं। लेकिन फिर भी प्राचीन काल से इन दो महान् देशों के लोग मैत्री के वातावरण में रहते और एक दूसरे के प्रति गहरी रुचि दिखाते आये हैं। पिछली शताब्दियों में रूसी यात्रियों, वैज्ञानिकों, लेखकों और कलाकारों ने हिन्द महासागर के उष्ण जल से सिंचित सुदूर दक्षिण में स्थित भारत भूमि की यात्रा कई बार की है। और इन लोगों की दैनंदिनियों एवं संस्मरणों में हमें ऐसी हार्दिक व्याख्याएं देखने को मिलती हैं जो भारत और उसकी जनता के प्रति सहानुभूति से ओतप्रोत हैं।

अफ़नासी निकीतिन भारत पहुंचनेवाला प्रथम रूसी था।

इस विख्यात यात्री का जन्म त्वेर (अब कालीनिन) नामक एक पुराने रूसी क़स्बे में हुआ था। यह क़स्बा उस स्थान में था जहां त्वेर्सा और त्माका नामक दो छोटी नदियों का वोल्गा से संगम होता है। पहली बार इसका उल्लेख १३ वीं शताब्दी के प्रथमार्द्ध के वृत्तान्तों में मिलता है। १५ वीं शताब्दी के उत्तरार्द्ध में त्वेर उसी नाम के एक सार्वभौम सामन्त राज्य की राजधानी थी। उन दिनों रूस इस प्रकार के कई स्वतन्त्र सामन्त राज्यों में बंटा हुआ था। शायद ही कोई और रूसी क़स्बा जनसंख्या या वैभव की दृष्टि से त्वेर की बराबरी कर सकता था। १५ वीं शताब्दी के उत्तरार्द्ध में केन्द्रीकृत रूस का एक भाग बन जाने पर भी एक प्रमुख व्यापारी केन्द्र के नाते उसका महत्त्वपूर्ण स्थान बना रहा।

त्वेर का बाहरी स्वरूप अन्य किसी भी रूसी क़स्बे जैसा ही था। उसके बीचोंबीच एक क्रेमलिन या क़िला था जहां मोक्षदाता का स्वर्ण-कलश वाला गिरजा, राजप्रासाद, राजा के परिजनों के निवासस्थान और अन्य भवन थे। क्रेमलिन की दीवार के बाहर व्यापारी, दस्तकार और दूसरे शहरी रहते थे। वहां मेहराबों की एक क़तार भी थी जहां बाहर से आनेवाले सौदागर अपना माल बेचते थे।

त्वेर के व्यापारियों में से जो विशेष उद्यमी थे वे विदेशों के साथ व्यापार करते थे। १५ वीं शताब्दी में रूसी व्यापारी अक्सर पश्चिमी युरोप, मध्य एशिया और मध्य पूर्व के बाज़ारों का दौरा करते थे। मालूम होता है कि अफ़नासी निकीतिन ने भी कई दूर दूर के देशों का भ्रमण किया था, क्योंकि अपनी टिप्पणियों में वह रूस की तुलना क्राइमिया, गुर्जिस्तान, तुर्की, वलाचिया और पोदोलिया के साथ ऐसे आदमी की तरह करता है जो इन प्रदेशों से सुपरिचित हो।

एक दिन शीरवान राज्य के शासक का राजदूत हसन-बेग़ मास्को के ग्रेंड ड्यूक इवान तृतीय के दरबार में आ पहुंचा। वह मूल्यवान उपहार लाया था। इवान तृतीय ने त्वेरवासी इवान पापिन को अपने राजदूत के नाते शीरवानशाह के दरबार में भेजा। यह सुनकर निकीतिन और कुछ दूसरे व्यापारी व्यापार करने के उद्देश्य से शीरवान के लिए रवाना हुए। उन्होंने दो जहाज़ों पर वोल्गा का सफ़र शुरू किया। इस प्रकार एक महान् जल-यात्रा का आरंभ हुआ जिसका निकीतिन द्वारा अंकित वर्णन हमें उपलब्ध है, जो इस पुस्तक में प्रकाशित किया गया है।

कई नाटकीय साहसों के बाद निकीतिन बाकू पहुंचा। वहां से वह सारे फ़ारस से होकर होरमूज़ बन्दरगाह के लिए रवाना हुआ। यह पूर्व का एक बड़ा व्यापारी केन्द्र था। फ़ारस से होकर की गयी यात्रा का वर्णन बहुत ही संक्षिप्त है। यहां निकीतिन ने केवल उन स्थानों की सूची दी है जो उसके रास्ते में पड़े थे। होरमूज़ के बाद की यात्रा से संबंधित उसकी टिप्पणियां अधिक विस्तृत और आकर्षक हैं।

फ़ारस में निकीतिन ने सुना था कि भारत में घोड़े नहीं पैदा होते और इसलिए वे वहां बहुत महंगे होते हैं, कम से कम ऐसी अफ़वाह थी। इसी बात से उसने भारत-यात्रा का निश्चय किया। उसने एक घोड़ा ख़रीद लिया और उसे साथ लिये एक डब्बे पर यानी एक छोटे-से समुंदरी जहाज़ पर चढ़ा। वह इस आशा से हिन्दुस्तान के लिए रवाना हुआ कि वहां अपना घोड़ा बेच दे और ऐसा माल ख़रीद ले जिसकी रूस में मांग हो। ऐसे एक कमज़ोर जहाज़ पर हिन्द महासागर के सफ़र पर रवाना होना एक असाधारण साहसिक आदमी का ही काम था। छः सप्ताह के बाद निकीतिन वाला डब्बा भारत के मलाबार तट पर स्थित चौल के पास किनारे लगा। "यह रही हिन्दुस्तान की भूमि," निकीतिन ने अपने रोज़नामचे में लिख दिया।

भारत में देखी गयी बातों का निकीतिन द्वारा किया गया वर्णन उसकी सूक्ष्म निरीक्षण शक्ति का और जिन्हें वह पहले कभी न जानता था उन लोगों की जीवन-प्रणाली के विशिष्ट पहलुओं का अवलोकन करने की उसकी सामर्थ्य का साक्षी है। वह केवल वस्तुस्थिति का यथातथ्य वर्णन करके ही नहीं रहा, बल्कि उसका विश्लेषण करके कुछ रोचक निष्कर्ष भी निकाले।

१५ वीं शताब्दी के मध्य काल में भारत में कई स्वतंत्र हिन्दु और मुसलमानी राज्य थे। सातवीं शताब्दी से भारत में मुसलमानों के आक्रमण आरंभ हुए। बाद की शताब्दियों में इन आक्रमणों की संख्या बढ़ती गयी और १४ वीं शताब्दी में दक्खन में कई मुसलमानी सामन्त राज्यों का उदय हुआ। इनमें बहामनियों का राज्य सबसे अधिक शक्तिशाली था। इसके चार प्रदेश थे और राजधानी गुलबर्गा थी। अधिकार ग्रहण के एक सौ वर्ष बाद बहामनियों ने अपने अधीनस्थ प्रदेश दुगुना कर लिया था और तब सरकारी सदर-मुक़ाम बिदर में तबदील किया गया था। हिन्दुस्तान प्रायद्वीप में दक्खनी पठार के केंद्रीय और पश्चिमी क्षेत्रों का एक विशाल प्रदेश बहामनियों के अधीन था। उनके राज्य में बसनेवाले लोग मराठी, तेलुगु इत्यादि भिन्न भिन्न भाषाएं बोलनेवाले थे। लेकिन सरकारी कामकाज की भाषा फ़ारसी थी और बाहर से आये हुए अधिकांश मुसलमान भी यही भाषा बोलते थे। जाति-भिन्नता के साथ धर्म-भिन्नता भी थी। अधिकांश बाशिंदे हिन्दु धर्म के माननेवाले थे और मुसलमान, जो मुख्यतया समाज के उच्च स्तर पर थे, अल्पसंख्यक थे। बहामनी शासक आसपास के हिन्दु राजाओं के विरुद्ध सतत युद्धरत रहे। हिन्दुस्तान के दक्षिणी भाग में स्थित विजयनगर का राज्य उनका मुख्य शत्रु था।

भारत भ्रमण की अवधि में निकीतिन भारत के कई नगरों और देहातों में गया। उसने पश्चिमी तट के बन्दरगाह देखे, घाटों को पार किया और दक्खनी पठार के केन्द्रीय भाग में पहुंचा। उसकी टिप्पणियों में हमें जुन्नर और गुलबर्गा, बिदर और गोलकोंडा, आलंद के बाज़ार और रायचूर की हीरा खान, पर्वत के मन्दिरों और विजयनगर के क़िलों के बारे में सूचना मिलती है। उनमें कुछ ऐसे स्थानों के वर्णन भी देखने को मिलते हैं जहां वह ख़ुद नहीं गया था लेकिन जिनके बारे में उसने दूसरों से सुना था। जैसे: लंका, पेगू इत्यादि।

भारत के जीवन का ऐसा कोई भी पहलू निकीतिन की निगाह से नहीं छूटा जो ध्यान देने योग्य था। उसकी टिप्पणियों में भारतीयों के रंग-रूप, अन्न-वस्त्र, जीविका-मूल्य, धार्मिक विधियां, रस्म-रिवाज, जाति-भेद और परस्पर संबंध, पुराण-कथाएं इत्यादि बातों के वर्णन मिलते हैं। उसने निरपेक्ष रीति से हर बात का वर्णन किया, लेकिन साथ साथ दिलचस्प टीका-टिप्पणी भी की। उसने सुलतान की ऐश्वर्यपूर्ण सवारियों, उसकी अपार संपत्ति और आंखों को चौंधियानेवाले वैभव का विशद वर्णन अंकित किया। दूसरी ओर, उस समय का वही अकेला यात्री है जिसने सुलतान और उसके दरबारियों के अपार ऐश्वर्य और बेहद ऐशो-आराम का अंधकारमय पहलू भी देखा। "ग्रामवासी बहुत ग़रीब हैं लेकिन सामन्त धनी हैं और ऐश करते हैं," उसकी टिप्पणियों में हमें पढ़ने को मिलता है। यही एक बात उसे उन कई वृत्तान्त लेखकों में ऊंचा स्थान देती है जिन्होंने १५ वीं शताब्दी के भारत का वर्णन किया है।

निकीतिन जिस समय भारत में था उसी समय बहामनी सुलतान मुहम्मद तृतीय ने विजयनगर के विरुद्ध बहुत बड़ा अभियान आरंभ कर दिया था। इस अभियान में जानोमाल की बहुत बड़ी हानि हुई और आरंभिक विजयों और विजयनगर के क़िले के दम उखाड़नेवाले घेरे के बाद वह असफल हो गया। यहां से वस्तुतः बहामनी साम्राज्य के पतन का आरंभ हुआ जो १५ वीं और १६ वीं शताब्दियों के मोड़ पर पांच स्वतंत्र सामन्त राज्यों में बंट गया। निकीतिन जैसे प्रत्यक्ष साक्षी द्वारा दिया गया प्रमाण अत्यन्त महत्त्वपूर्ण है क्योंकि उन दिनों की घटनाओं के जो वर्णन हमें उपलब्ध थे उनपर इस प्रमाण के फलस्वरूप बहुत कुछ नयी रोशनी पड़ती है। १५ वीं और १६ वीं शताब्दियों में भारत के कोई ऐतिहासिक अभिलेख नहीं थे और उस समय के भारत की सूचना हमें मुसलमान पंडितों के वर्णनों से ही उपलब्ध होती है, और ये वर्णन मुसलमान विजेताओं की दृष्टि से प्रतिकूल तथ्यों को टाल देते हैं। निकीतिन ही एकमात्र ऐसा वृत्तान्त लेखक है जो विजयनगर के विरुद्ध बहामनियों के निष्फल युद्ध का वर्णन करता है।

निकीतिन भारत में लगभग तीन वर्ष रहा। लेकिन मातृभूमि का प्रेम उसे रूस की ओर, अपने लोगों की ओर आकृष्ट कर रहा था। "भगवान् रूसी भूमि की रक्षा करे। संसार में उसकी जैसी भूमि कोई और नहीं है, यद्यपि रूसी भूमि के सामन्त अन्यायी हैं। रूसी भूमि सुव्यवस्थित हो, और वहां न्याय हो।" इन पंक्तियों से निकीतिन की गहरी देशभक्ति प्रकट होती है और वे यह भी स्पष्ट करती हैं कि उसके समय की दृष्टि से उसके विचार बहुत ही प्रगतिशील थे।

निकीतिन को मलाबार तट के दाभोल बन्दरगाह पहुंचने में कई महीने लग गये और वहां से वह अपने देश के लिए रवाना हुआ। वह वापसी मार्ग पर मस्कत और होरमूज़ से होकर, फ़ारस को पार करके एशिया माइनर तक और वहां से क्राइमिया के काफ़ा (आधुनिक फ़िओदोसिया) तक आ पहुंचा जहां एक बड़ी रूसी सराय थी। लेकिन वह अपने जन्मस्थान त्वेर को लौट न सका; एक वृत्तान्त लेखक के अनुसार "स्मोलेन्स्क पहुंचने से पहले ही उसका देहान्त हुआ।"

इस प्रकार अफ़नासी निकीतिन की 'तीन समुंदर पार यात्रा' समाप्त हुई। १५ वीं शताब्दी में यानी लगभग पांच सौ वर्ष पहले लिखी गयी उसकी टिप्पणियां आज भी हमें प्रभावित करती हैं। लेखक की व्याख्या की स्पष्टवादिता और ईमानदारी के कारण और भारत की तत्कालीन जीवन-प्रणाली पर प्रकाश डालनेवाली सूचना पाकर हम चकित हो उठते हैं। इनमें हमें रूस और भारत की मैत्री के मूल स्रोतों के दर्शन होते हैं। उस मैत्री की गहराई के ये प्रमाण हैं।

AFANASY NIKITIN'S VOYAGE BEYOND THREE SEAS

1466—1472

Through the prayers of our Holy Fathers, O Lord Jesus Christ, Son of God, have mercy upon me, Thy sinful servant Afanasy, son of Nikita.

I have described my sinful voyage beyond three seas, the first being the Sea of Derbent, or Sea of Khwalis[1], the second the Indian Sea, or Sea of Hindustan[2], and the third the Black Sea, or Sea of Stambul[3].

I set forth down the Volga from the Golden-Domed Cathedral of the Redeemer[4], from Grand Duke Mikhail Borisovich[5] and from His Grace Gennady of Tver[6]. Upon arrival at Kalyazin, I received the blessing of Father-Superior Macarius and brethren of the Monastery of the Holy Trinity[7] and the Holy Martyrs Boris and Gleb[8]; from Kalyazin I proceeded to Uglich, and from Uglich to Kostroma, to Prince Alexander, bearing another pass from the Grand Duke[9], and he let me sail on unhampered. Nor was I hampered on my way to the city of Nizhny Novgorod, to Mikhail Kiselev, the Governor, and Ivan Sarayev, Keeper of the Tolls.

Vasily Papin[10] had already passed on, and for a fortnight I had to await at Novgorod the arrival of Hasan Beg, the Tartar Shirvanshah's Ambassador. He was coming from Grand Duke Ivan with gerfalcons, of which he had ninety. And I proceeded with him down the Volga. We sailed freely past Kazan, the Horde, Uslan, Sarai[11], and Berekezan[12].

And we entered the River Buzan[13]. There we met three pagan Tartars, who gave us false tidings, saying that Khan Kasim[14] with three thousand Tartars lay in wait for merchants down the river. Hasan Beg, the Shirvanshah's Ambassador, gave each of the three a coat and a piece of linen in order that they might lead us safely past Astrakhan. They took the coats, but sent word to the King of Astrakhan. I left my ship and with my companions boarded the Ambassador's ship. The moon was shining as we were passing Astrakhan. The King sighted us, and the Tartars shouted to us: "Flee not!" But we listened not, and sailed on. Then the King sent his whole horde in pursuit of us, and for our sins we were overtaken at Bugun[15]; the Tartars shot one of our men, and we shot two of theirs. Our small ship was stopped by a weir, they seized her and at once plundered her; and all my luggage was in that small ship.

On the big ship we reached the sea, but ran aground in the mouth of the Volga. Thereupon the Tartars seized us and towed the ship back to the weir. There they took the big ship away from us, and led four Russians away captive; having robbed us, they let us proceed beyond the sea. They did not let us sail up-stream lest we should send word.

And we headed for Derbent[16] on two ships; on one of them sailed Hasan Beg, the Ambassador, with Iranians and us, the Russians, ten men in all, and the other ship carried six Muscovites and six men from Tver, as well as cows and victuals. A storm overtook us at sea. The smaller ship was smashed against the coast near the little town of Tarki[17], and the men went ashore; then came some Kaitaks[18], and made captives of them all.

Upon reaching Derbent, we learnt that Vasily Papin had arrived safe and sound, while we had been robbed. And I humbly begged him and Hasan Beg, the Shirvanshah's Ambassador, with whom we had arrived, to plead for the men seized by the Kaitaks near Tarki. And Hasan Beg solicited for them; he went to Bulat Beg, who despatched a runner to Shirvanshah Beg with the message that a Russian ship had been wrecked off Tarki and that some Kaitaks had taken her men captive and stolen their goods. And Shirvanshah Beg at once sent a man to his brother-in-law Khalil Beg, Prince of Kaitak, to tell him this: "My ship has been wrecked off Tarki, and your men have come and taken the men captive and stolen their

goods, and will you for my sake send the men to me and have their goods recovered, because those men have been sent to me; and if you want something of me, send for it and I shall not refuse you, my brother, only let them free for my sake." And Khalil Beg at once released and sent all the men to Derbent, whence they were sent to the Shirvanshah's camp.

We, too, went to the Shirvanshah's camp, and humbly begged him to grant us the wherewithal to reach Rus. But he did not give us anything because we were many. And we wept and dispersed; those of us who owned something in Rus left for Rus, and those who had debts there went wherever they could; some remained at Shemakha[19], while others went to work at Baku.

As for me, I went to Derbent, and from Derbent to Baku, where an eternal fire is burning; and from Baku I crossed the sea to Chapakur[20], where I lived for six months; then I lived at Sari[21], in the Mazanderan country, for a month. Thence I proceeded to Amul[22], where I lived for a month, thence to Demavend[23], and from Demavend to Rai[24]. There Shah Husain, son of Ali and grandson of Mohammed, was slain; he cursed them, and by his curse 70 towns were felled. And from Rai I journeyed to Kashan[25], where I stayed for a month, thence to Nain[25], and from Nain to Yezd, where I also lived for a month. And from Yezd I proceeded to Sirjan[25] and thence to Tarum[25], where cattle are fed with dates bought at four *altins* a *batman*[26]. And from Tarum I journeyed to Lar[27], and from Lar to Bandar[28]. And that is where the harbour of Hormuz[29] is, as well as the Indian Sea, called Sea of Hindustan in Persian. And from Bandar it is four miles by sea to Hormuz.

And Hormuz lies on an island which is flooded by the sea twice a day. There I kept my first Easter, having arrived four weeks before the feast.

I have not above listed all the cities, for there are many more great cities. The sun at Hormuz is blazing-hot, and may burn one. I stayed there for a month, and in the first week after Easter, I sailed across the Indian Sea on a *dabba*[30] with horses.

And it took us 10 days to sail by sea to Muscat[31], and four days to sail from Muscat to Dega[32]. From Dega we sailed to Gujarat, and thence to Cambay[33], where there are indigo and lac, and from Cambay to Chaul[34]. We left Chaul in the seventh week after Easter, having reached it on the *dabba* in six weeks.

And that is where the land of India lies, and where everyone goes naked; the women go bareheaded and with breasts uncovered, their hair plaited into one braid. Many women are with child, they bear children every year, and have many children. The men and women are all black. Wherever I went I was followed by many people who wondered at me, a white man.

And their prince wears a dhoti upon his head and another about his loins; their boyars wear a dhoti round their shoulders and another about their loins; their princesses wrap a dhoti round their shoulders and another round their loins. As for the servants of the prince and the boyars, they wear a dhoti wound about their loins, and carry shield and sword in their hands, while others have spears or knives or sabres, or bow and arrows. And all are naked and barefoot, and strong. And the women go bareheaded and with breasts uncovered; as for the little boys and girls, they go naked till the age of seven, and do not hide their shame.

From Chaul it took us eight days by land to get to Pali[35]; both are Indian towns; and from Pali to Umra, another Indian town, it is 10 days, and from Umra to Junnar[36], six days. And at Junnar there lives the Indian Asad Khan[37], a servant of Malik-at-Tujjâr[37]; they say he has 70,000 men from Malik-at-Tujjâr. And Malik-at-Tujjâr has 200,000; for 20 years he has been fighting *kâfirs*[38]; sometimes they beat him, but he beats them oftener. The Khan rides on men; he has many elephants and fine horses. He also has many men of Khorassan, who are brought from the land of Khorassan[39] or Arabia, or from the Turkoman land, and from Jagatai[40]. They are always brought by sea in *dabbas*, which are Indian ships.

And I, a sinful man, brought a stallion to the land of India. Thank God, I reached Junnar in good health—the passage cost me a hundred rubles. The winter there set in on Trinity Sunday, and we spent it at Junnar, where we lived for two months; throughout four months there was water and mud everywhere, both by day and at night. That is the season of ploughing and of sowing wheat and rice and pulse, and all the other foods. Wine is made in big coconuts, and beer is brewed from *tatna*[41]. Horses are fed with pulse, and *khichrî*[42] with sugar and ghee is made for them; early in the morning they are also fed with rice cakes. No horses are bred in India, but oxen and buffaloes are. They are used for carrying persons and sometimes goods—they serve all purposes.

The town of Junnar lies on a rocky island not built by man but created by God. It takes a whole day's uphill walk to go there, the path is narrow and two people cannot pass.

In India strangers put up at inns, and the food is cooked for them by women, who also make the guests' beds. In winter people there wear a dhoti round their loins, another about their shoulders, and a third round their heads. As for the princes and boyars, in that season they put on trousers, a shirt, and a caftan; they also wrap a dhoti about their shoulders, girdle themselves with another, and wind a third round their heads.

And there at Junnar the Khan took away my stallion. But when he learnt that I was a Russian and not a Moslem, he said: "I shall give thee back thy stallion and pay thee a thousand pieces of gold, if only thou wilt adopt our Mohammedan faith. But shouldst thou not adopt our Mohammedan faith, I shall keep the stallion and exact a ransom of a thousand pieces of gold from thee." And he gave me four days—till Our Redeemer's Day, during the Fast of the Holy Mother of God. And the Lord had mercy upon me on His holy day, He kept not His mercy from me, miserable sinner, and left me not to perish at Junnar among the godless. Khoja Muhammad of Khorassan arrived on the eve of Our Redeemer's Day, and I humbly begged him to plead for me. And he rode to the Khan in town, and persuaded him not to convert me to his faith; he also took back my stallion. Such was the wonder wrought by the Lord on Our Redeemer's Day. And so, my Christian brothers of Rus, those of you who want to go to the land of India must leave their faith in Rus and invoke Mohammed before setting out for the land of Hindustan.

I was deceived by Moslems; they had told me of an abundance of goods, but I found that there was nothing for our land. All toll-free goods are for the Moslem land only. Pepper and dyes are cheap. Some carry their goods by sea, others pay no toll for them. But we shall not be allowed to take our goods free of toll. And the toll is high and, moreover, there are many pirates at sea. And all the pirates are pagans, not Christians or Moslems; they worship stone idols, and are ignorant of Christ.

And we left Junnar on the Day of the Assumption of the Holy Mother of God for Bidar[43], a big city, and it took us a month to arrive there; and from Bidar it is five days to Kulungir[43], and as much from Kulungir to Gulbarga[43]. There are many other towns between these two big ones; every day we passed through three towns, and sometimes even four; there are as many towns as there are kos[44]. From Chaul to Junnar it is 20 kos, and from Junnar to Bidar 40 kos, and from Bidar to Kulungir nine kos, and from Bidar to Gulbarga, also nine kos.

At Bidar, horses and various goods are sold: brocade, silk, and all kinds of other goods; black people, too, are on sale there. Nothing else is sold. And all the goods come from Hindustan. As for food, nothing is sold but vegetables. There are no goods for the land of Rus.

All the Indian princes come of Khorassan, and so do all the boyars. And all the people of Hindustan go on foot and walk fast, and are all naked and barefoot; they carry a shield in one hand and a sword in the other. Some of the servants have long, straight bows and arrows. And they always fight mounted on elephants, sending the footmen forward, while the Khorassanis ride on horseback, both they

and their horses being in armour. As for the elephants, long hammered swords are tied to their trunks and tusks, each weighing a kantar; they wear steel armour, and carry castles upon their backs; and in each castle there are 12 men in armour, with cannons and arrows.

There is a place—the tomb of Sheik Ala-uddin at Alland[45]—where a fair is held once a year, and whither people from all over the Indian country come to trade for 10 days. It is 12 kos from Bidar. Horses are brought thither for sale, as many as 20,000 head, and all kinds of other goods, too. It is the best fair in the land of Hindustan; all wares are sold or bought there in memory of Sheik Ala-uddin, during the Russian Feast of the Intercession of the Holy Mother of God[46]. At Alland there lives the *ghuggû*, a bird; it flies at night, crying "ghuggû"; whenever it settles on a house-top, someone dies in the house; and when anyone tries to kill it, it begins to spit fire. *Mamons* prowl at night, catching fowl; they dwell in the mountains or upon rocks. As for monkeys, they live in the woods; and they have a monkey prince who leads an army. And when anyone harms them, they complain to their prince, who sets his army upon the offender. Then the monkeys fall upon that town and destroy the houses and kill the people. They are said to have a very large army and to speak a tongue of their own; they give birth to many young, but the young that are not like their father or mother are left on the roads. Then people of Hindustan pick them up and teach them sundry handicrafts, but some of them they sell, doing it at night lest they should flee back, and some they teach how to imitate players.

Spring came with the Feast of the Intercession of the Holy Mother of God; it is in spring, a fortnight after Intercession, that an eight-day feast is kept to honour the memory of Sheik Ala-uddin. Spring, summer, winter, and autumn last three months each.

And Bidar is the capital of Moslem Hindustan[47]. It is a large city, and many people live in it. The Sultan is young—only 20 years old—and those who govern are princes and boyars of Khorassan; those who fight in wars are Khorassanis too.

In that city there lives Malik-at-Tujjâr the Khorassani, a boyar who has an army 200,000 strong. Melik Khan[48] has 100,000 and Farkhad Khan[48], 20,000. And many khans have an army of 10,000 each. The Sultan goes to war with an army of 300,000. The land is very populous; the countrymen are very poor, but the boyars are rich and live in luxury; they are carried in silver litters, preceded by as many as 20 horses in golden harness and followed by 300 horse, 500 foot, 10 trumpeters, 10 drummers, and 10 pipers. And the Sultan goes forth with his mother and wife to amuse himself, and is accompanied by 10,000 horse and 50,000 foot. And there also go forth

200 elephants in gilt armour. And the Sultan is preceded by 100 trumpeters, 100 dancers, and 300 spare horses in golden harness, and followed by 100 monkeys and 100 *gaurikâs*, or handmaidens.

The Sultan's palace has seven gates, with a hundred guards and a hundred *kâfir* scribes at each gate; some of them register those coming in and others, those going out; but strangers are barred from the palace. And the palace is very beautiful, with fretwork and gilt all over it, and its every stone is fretted and very beautifully painted in gold; and inside the palace there are sundry vessels.

A thousand men posted by the Governor guard the city of Bidar by night; they are mounted, wear armour, and carry torches. I sold my stallion at Bidar; I had been keeping it for a year, and had spent 68 fanams on it. Snakes fourteen feet long crawl along the streets of Bidar. I arrived at Bidar from Kulungir during the Fast of Advent[49], and sold my stallion on Christmas Day.

And I stayed at Bidar till Lent. There I came to know many Hindus and told them that I was a Christian and not a Moslem, and that my name was Afanasy, or Khoja Yusuf Khorassani[50] in the Moslem tongue. They did not hide from me when eating, trading, praying, or doing something else; nor did they conceal their wives.

I asked them questions about their faith, and they said to me: "We believe in Adam, and the *buts*[51], they say, are Adam and his whole kin." Altogether there are eighty-four[52] faiths in India, and everyone believes in *But*. People of different faiths do not eat or drink together, nor do they intermarry; some eat mutton, fowl, fish, and eggs, but of no faith do the people eat beef.

I spent four months at Bidar, and agreed with some Indians to go to Parvat[53], their Jerusalem, or Mecca in the Moslem tongue, where stands their chief *butkhanah* [idol-house]. It took us a month to reach the *butkhanah*. The market by the *butkhanah* lasts for five days. And the *butkhanah* is very large—half the size of Tver—and is built of stone in which the deeds of *But* are carved; in all there are 12 tiers of carvings that show *But* working wonders, or appearing before Indians in many shapes: first, in the shape of a man; second, of a man with an elephant's trunk; third, of an ape-like man; fourth, of a man having the form of a ferocious beast. He has always appeared before them with a tail, and his tail, which is carved in stone, is seven feet long. People from all over the land of India come together at the *butkhanah* to see *But's* miracles. Near the *butkhanah*, old wives and young maidens shave all their hair; beards and heads are shaved too. Thereupon they go to the *butkhanah*; each has to pay a fee of two *sheshkanis*[54] for the benefit of *But*, and horses are charged four fanams each. The number of those who gather at

the *butkhanah* is 20,000, and sometimes even 100,000. In the *butkhanah*, *But* is carved in stone, and is very big indeed; his tail is slung over his shoulder, and his right arm is raised high and stretched out like the Emperor Justinian's at Constantinople[55], while in his left hand he holds a spear; and he wears no clothing, save that his buttocks are wrapped in a cloth; his face is that of an ape. And the other *buts* are stark naked, they wear nothing, and their buttocks are uncovered; and *But's* wives are carved naked, in all their shame, and with children. And before *But* stands a huge ox carved in black stone and gilt all over. They kiss the ox on the hoof and strew flowers upon it; *But*, too, is strewn with flowers.

The Indians eat no flesh at all—no beef, mutton, fowl, fish, or pork, although they have a great many pigs. They have two meals a day, and eat nothing at night; they drink neither wine nor mead. They do not eat or drink with Moslems. Their food is poor, and they do not eat or drink with one another, not even with their wives. They eat rice and *khichrî* with ghee, and various herbs, which they boil in ghee and milk. And they eat everything with their right hand, never touching any food with their left; they never use a knife, and have no spoons. When journeying, each carries a pot to boil food in. And they hide from Moslems lest they should look into the pot or at the food. And should a Moslem look at the food, the Indian will not eat it. When eating, some cover themselves with a kerchief, so that no one may see them.

And they pray facing eastwards, in the Russian manner; they raise high both hands and put them on their crown, and lie face downwards on the ground and stretch out on it—that is how they worship. And when they sit down to take a meal, some wash their hands and feet, and also rinse their mouths. Their *butkhanahs* have no doors, and face eastwards; the *buts*, too, stand facing eastwards. And when someone dies, they burn him and scatter the ashes over water. And when a woman gives birth to a child, it is her husband who receives it; a son is named by the father, and a daughter by the mother. In coming or going, they bow after the fashion of monks, touching the ground with both hands and saying nothing.

They go to Parvat at Lent to worship their *But*; that is their Jerusalem, or Mecca in the Moslem tongue. And they all arrive naked, with but a cloth round their buttocks; the women are naked, too, save for a dhoti about their buttocks; some wear dhotis and pearl necklaces and many sapphires, and also gold bracelets and rings, in faith they do. And they go to the *butkhanah* astride on oxen, and each ox has its horns encased in brass, and wears about 300 bells round its neck, and has its hoofs shod. And those oxen are called "fathers." The Indians call the ox "father" and the cow, "mother"; they use the dung as fuel to bake bread and cook their

food, and smear their faces, foreheads, and bodies with the ashes. That is their sign. On Sundays and Mondays, they have one meal, by day.

From Parvat I came to Bidar a fortnight before *Ulu Bayram*, the great Moslem feast[56]. And I know not when Easter Sunday, the great day of the Resurrection of Christ, occurs, so I try to guess by signs: with the Christians, Easter comes nine or ten days before the Moslem *Bayram*. I have nothing with me—no book; we took books with us from Rus, but when I was robbed the books were seized too. And I have forgotten all that I knew of the Christian faith and all the Christian feasts; I know not when Easter occurs, or Christmas, or Wednesday or Friday. And surrounded by other faiths, I pray to God that He may protect me: "O Lord God, O God of truth, O Thou that art merciful, God my Creator, Thou art my Lord. There is one God, the Prince of Glory, Maker of heaven and earth."

And I am going back to Rus thinking that my faith is dead, for I have fasted with the Moslems. The month of March has passed, and for a month I have not been eating any meat, fasting with the Moslems and eating nothing fat, no Moslem food, and taking two meals a day—nothing but bread and water. And I have prayed to God Almighty, Maker of heaven and earth, and have invoked none but His name: the God who made us, the merciful God, God Almighty.

And it is 10 days by sea from Hormuz to Kalhat, and six days from Kalhat to Dega, and six days from Dega to Muscat, and 10 days from Muscat to Gujarat, and four days from Gujarat to Cambay, and 12 days from Cambay to Chaul, and six days from Chaul to Dabhol[57]. As for Dabhol, it is a harbour in Hindustan, the last of the Moslem harbours.

And it takes 25 days to go from Dabhol to Calicut[58], and 15 days from Calicut to Ceylon, and a month from Ceylon to Shabait[59], and 20 days from Shabait to Pegu[60], and a month from Pegu to *Chin* and *Machin*[61]. And these are all sea voyages. And from *Chin* to Cathay[62] it is six months' journey by land and four days' sail by sea. May God adorn my shelter.

Hormuz is a great harbour. People from all over the world arrive there, and all kinds of goods are sold in its market. Whatever is produced on earth can be had at Hormuz. The toll, however, is high—one-tenth of everything.

And Cambay is a harbour whence ships sail all over the Indian Sea, and it is rich in goods; *alacha*[63], taffeta, coarse cloth, and indigo are always made there, and also lac, cornelian, and salt. Dabhol is a very big harbour, and horses are brought thither from Egypt, Arabia, Khorassan, Turkestan, and Old Hormuz; and it is a month's journey by land to Bidar and to Gulbarga.

And Calicut is a big harbour on the Indian Sea, and God forbid that any ship should pass by it; no one who sails past it will cross the sea unscathed. And it produces pepper, ginger, nutmeg, cinnamon, clove, spices, *adrak*[64], and many kinds of herb. And everything is cheap there; and slaves are very good; they are black.

And Ceylon is rather a big harbour on the Indian Sea, and there Father Adam stood on a high mountain[65]. And near Ceylon precious stones, rubies, rock crystal, agates, amber, beryls, and emery are found. Elephants are bred there, and are sold by the cubit, and ostriches, which are sold by weight.

And the harbour of Shabait on the Indian Sea is very large. There the Khorassanis are paid a salary of one *tanga*[66] a day each, both the big and the little. And when a Khorassani marries there, he is granted one thousand *tangas* by the Prince of Shabait, who, moreover, pays him 10 *tangas* a month by way of salary, and as much for food. And at Shabait there are silk and sandalwood and pearls, and it is all cheap.

The harbour of Pegu is not small, and it is mostly Indian dervishes that live there. And there one finds precious stones—*mâniks* and sapphires and rubies. These stones are sold by dervishes. And the harbours of *Chin* and *Machin* are very large, and there porcelain is made, and sold by weight at a low price.

It is three months from Bidar to Shabait, and two months from Dabhol to Shabait, by sea. And there porcelain is made, and everything is cheap. And it takes two months to reach Ceylon by sea. And in Shabait one finds silk and pearls and sandalwood; elephants are sold by the cubit.

In Ceylon there are monkeys, rubies, and crystals and at Calicut, pepper, nutmeg, clove, areca nuts, and dyes. In Gujarat there are indigo and lac and at Cambay, cornelian. At Raichur[67] diamonds are mined—old and new ones; one *pochka*[68] of diamond is sold at five rubles, and if very good, at 10 rubles; one *pochka* of new diamond, however, is worth only five *kanis*[69], one of blackish colour, from four to six *kanis*, and a white diamond, one *tanga*. Diamonds are mined in a rocky mountain, which is sold at 2,000 gold pounds a cubit if the diamonds are new, or at 10,000 gold pounds if they are old. And the land belongs to Melik Khan, a servant of the Sultan; and it is 30 kos from Bidar.

And the Jews hold Shabait to be their own, but that is a lie. The Shabaitans are not Jews, Moslems, or Christians; they have a different faith, the Hindu faith. They do not eat or drink with Hebrews or Moslems, nor do they eat any meat. Everything is cheap in Shabait, and silk and sugar are made there—very cheap. And in the woods there one finds wild cats and monkeys, and they attack people

on the roads, so that, because of the monkeys and wild cats, no one dares journey at night.

And from Shabait to Cathay it is 10 months by land, and four months by sea, on a big ship.

The navels of fattened deer are cut off because there is musk in them. But wild deer shed their navels in the fields or woods, and the navels give off an aroma which, however, is not so fragrant because they are not so fresh.

In the month of May, I kept Easter at Moslem Bidar, in Hindustan. And the Moslems kept *Bayram* on a Wednesday in the month of May; and I had begun to fast on the first day of the month of April. O faithful Christians, those who voyage to many lands fall oft into sin, and rob themselves of their Christian faith. And I, Afanasy, servant of the Lord, have been yearning for my faith with all my heart; Lent and Easter have already passed four times, and yet I, sinner that I am, know not when Easter or Lent or Christmas or any other holy day comes, nor do I know when it is Wednesday or Friday. And I have no books, for when I was robbed, all my books were taken away from me. And because of the many misfortunes I went to India, for I had nothing to take to Rus, no goods being left. The first Easter Sunday found me at Kain[70], the second at Chapakur, in the Mazanderan country, the third at Hormuz, and the fourth at Bidar, in India, with Moslems. And there I shed many tears for the Christian faith.

Melik the Moslem pressed me for a long time to adopt the Moslem faith. But I answered him: "My lord, you perform your prayers, and I perform mine; you say five prayers, and I say three; I am a stranger, but you are not." But he said to me: "Indeed, albeit thou professest not to be a Moslem, neither dost thou know the Christian faith." And then I thought over it a great deal, and said to myself: "Woe to me, miserable sinner, for I have strayed from the true path and knowing no other, must go my ways. Almighty God, Maker of heaven and earth, turn not Thy face from Thy servant who sorrows. Shelter me and have mercy upon me, O God who created me; lead me not away, O Lord, from the path of righteousness, but keep me in Thy true ways, for I have of necessity done nothing virtuous for Thy sake in my distress, and have lived all my days in evil. Four Easter Sundays have already passed in the Moslem land, but I have not forsaken the Christian faith; and God knows what may yet happen. In Thee I trust, O Lord, save me, O God!"

In Moslem India, at great Bidar, I watched the heavens on Easter night; the Pleiades and Orion stood low at Easter, and the Great Bear was headed eastwards.

During the Moslem *Bayram*, the Sultan went forth in procession, and was accompanied by 20 grand viziers and 300 elephants clad in steel armour and carrying

castles encased in metal. And in each castle there were six men in armour, with cannons and harquebuses, and the biggest elephant carried 12 men. Each elephant bore two large standards, and had long swords tied to its tusks, each sword weighing a kantar, and heavy iron weights fastened to its trunk; and between its ears sat a man in armour, who drove it with a big iron hook. And there also went 1000 spare horses in golden harness and 100 camels with drummers, and 300 trumpeters and 300 dancers and 300 slave girls. And the Sultan wore a caftan studded with sapphires, and a helmet with a huge diamond on the top; and his *sagadak*[71] was adorned with sapphires, and he had three sabres in gold scabbards, and a golden saddle. And a *kâfir* ran before him, juggling with an umbrella, and after him came many footmen. He was also followed by a trained elephant clad in damask, with a big iron chain in its mouth, with which it struck at people and horses to keep them away from the Sultan. And the Sultan's brother was borne in a golden litter, and above him was a velvet canopy, with a golden top set with sapphires. And the litter was carried by 20 men. And the Sovereign was borne in a golden litter, under a silk canopy with a golden top. His litter was mounted on four horses in golden harness. And he was surrounded by a great throng, and preceded by singers and many dancers. And all had bared swords or sabres, and shields and spears and bows, long and straight; and all the horses were in armour, and bore *sagadaks*. And some people went naked save for a loincloth to hide their shame.

At Bidar, the full moon lasts for three days. And there are no sweet vegetables there. The heat is not strong in Hindustan; it is strong at Hormuz and in Bahrein[72], where pearls are found, and also in Jidda[73] and Baku and Egypt and Arabia and Lar. It is hot in the land of Khorassan, too, but not so hot. And it is very hot in Jagatai. And it is hot in Shiraz and Yezd and Kashan, but a wind blows there at times. And in Gilan[74] the heat is very great and sweltering, and in Shemakha it is sweltering too. It is hot at Babylon [Baghdad], and also at Homs[75] and Damascus. But it is not so hot at Aleppo. And at Sivas[76] and in the land of Georgia everything is most plentiful. And the Turkish land is very plentiful. Walachia[77] is plentiful too, and all food is cheap there. The land of Podolia[78], too, abounds in everything. May God protect the Russian land! There is no land in the world like it, although the boyars in the Russian land are unjust. May the Russian land be well-ordered, and may there be justice there. *Allâh, Khudâ,* O God, *Tanri!*

In Thee I trust, O God, save me, O Lord! I know not my way. Whither shall I go from Hindustan? If I go to Hormuz, there is no passage from Hormuz to Khorassan, Jagatai, Bahrein, or Yezd. There is strife everywhere. The princes have been overthrown everywhere. Mirza Jahan Shah was slain by Uzun Hasan Beg,

and Sultan Abu Said was poisoned; Uzun Hasan Beg tried to rule in Shiraz, but that land would not recognise him. And Yadigar Muhammad will not join him, for he is afraid. And there is no other way. And to go by way of Mecca would mean to take the Moslem faith; it is because of their faith that Christians do not go to Mecca, for there they would be converted to Islam. And to live in Hindustan would mean to spend all that I have, because everything is expensive here; alone I spend on food two and a half *altins* a day. As for wine or mead, I have drunk none of it here.

Malik-at-Tujjâr took two Indian towns that sent pirates to the Indian Sea. And he seized seven princes and their treasures: a pack-load of sapphires, and another of diamonds and rubies, and 100 pack-loads of valuable goods. As for other goods, his army took untold quantities of them. And he besieged the town for two years with an army of 200,000, and 100 elephants and 300 camels. And at *Kurban Bayram*—Russian St. Peter's Day—Malik-at-Tujjâr arrived at Bidar with his army. And the Sultan sent 10 viziers to meet him 10 kos from the city, one kos being 10 versts. And each vizier had with him an army 10,000 strong, and 10 elephants in armour.

And at Malik-at-Tujjâr's house, 500 men sit at table every day. And three viziers sit down to the meals with him him, and each vizier has 50 men and 100 boyars attached to him. Malik-at-Tujjâr has 2000 horses in his stables, and 1000 saddled horses stand ready day and night, and besides there are 100 elephants in the stables. By night his court is guarded by 100 men in armour and 20 trumpeters and 10 drummers, and two men beat 10 big tambourines.

And the Nizam-ul-Mulk, Melik Khan, and Farkhad Khan took three big towns, having with them an army 100,000 strong and 50 elephants. They also took a huge quantity of precious stones of every kind, which stones and sapphires and diamonds they bought for Malik-at-Tujjâr; he forbade the jewellers to sell them to the merchants who had arrived at Bidar on the Day of the Assumption of the Holy Mother of God.

The Sultan goes forth to amuse himself on Thursdays and Tuesdays, and is accompanied by three viziers. And his brother goes forth every Monday, with his mother and sister. And 2000 women go forth on horseback or in golden litters. And they are preceded by 100 spare horses in golden harness, and many people go with them on foot; and there also go forth 12 viziers, and 50 elephants covered with cloth. And on each elephant ride four men, naked save for a loincloth. And naked women follow them on foot, carrying water for drinking and washing, and no one borrows water from the others.

Malik-at-Tujjâr set out from the city of Bidar to reduce the Indians on Sheik Ala-uddin's memorial day, that is, during the Russian Feast of the Intercession of the Holy Mother of God, and he had an army of 50,000. And the Sultan sent an army

of his own 50,000 strong, and three viziers with another 30,000; and with them went 100 elephants in armour, with castles, and on each elephant rode four men with harquebuses. Malik-at-Tujjâr had set out to reduce the Indian kingdom of Vijayanagar[79].

And the Prince of Vijayanagar has 300 elephants and an army of 100,000, and 50,000 horses. The Sultan left the city of Bidar in the eighth month after Easter Sunday, and 26 Moslem and six Indian viziers went with him. And from the Sultan's court there went an army of 100,000 horse and 200,000 foot, and 300 elephants in armour, bearing castles, and ferocious beasts, each held by two chains. And from the court of the Sultan's brother there went 100,000 horse and 100,000 foot, and 100 elephants clad in armour. And from the court of Mal Khan there went 20,000 horse and 60,000 foot, and 20 elephants in fighting array. And with Beder Khan and his brother there went 30,000 horse and 100,000 foot, and 25 elephants in fighting array, with castles. And from the court of Sul Khan there went 10,000 horse and 20,000 foot, and 10 elephants bearing castles. And with Wazir Khan there went 15,000 horse and 30,000 foot, and 15 elephants in fighting array. And from the court of Kutar Khan there went 15,000 horse and 40,000 foot, and 10 elephants. And with each vizier there went 10,000, and with some even 15,000, horse and 20,000 foot. And with the Autonomos[80] there went an army of 40,000 horse and 100,000 foot, and 40 elephants in armour, each elephant carrying four men armed with harquebuses. And with the Sultan there went 26 viziers, and each vizier had with him an army of 10,000 horse and 20,000 foot; and some of the viziers had 15,000 horse and 30,000 foot each. And the four Indian grand viziers had each an army of 40,000 horse and 100,000 foot. And the Sultan was angry with the Indians because too few had set out with him, and he added 20,000 foot, 2000 horse, and 20 elephants. Such is the strength of the Moslem Sultan of India; the Mohammedan faith still holds good. As for the true faith, God alone knows it, and the true faith is to believe in one God, and to invoke His name in purity in every pure place.

On the fifth Easter Sunday, I made up my mind to leave for Rus. I set out from the city of Bidar a month before the Moslem *Ulu Bayram*, according to the faith of Mohammed, the Prophet of God. As for the great Christian feast—the Resurrection of Christ—I know not when to keep it, and I fasted with the Moslems, and broke my fast when they broke theirs. I kept Easter at Gulbarga, 20 kos from Bidar.

The Sultan reached Malik-at-Tujjâr with his army on the 15th day after *Ulu Bayram*, at Gulbarga. And they failed in the war; they took an Indian town, but lost many men and spent much of their treasury. And the Indian Governor is very powerful and has a big army, and he resides on a mountain at Vijayanagar.

And his city is very large, it is surrounded by three moats, and a river flows through it; on the one side of the city is a wild jungle, and on the other side lies a very beautiful valley, good for anything. The other side cannot be reached from anywhere because the road leads through the city, nor can the city be taken from anywhere because of the high mountain and the wild jungle and the prickly brushwood. The army held the city invested for a month, and some men died of thirst, and many men died of starvation and lack of water; and although they saw water, they could not get at it from any quarter. And the Indian town was taken by Khoja Malik-at-Tujjâr, who did it by force, fighting the town day and night; his army had nothing to eat or drink for 20 days, besieging the town with cannons. And 5000 of his picked warriors fell. And when the town was taken, 20,000 men and women were killed, and another 20,000—adults and children—were taken captive. The captives were sold at 10 *tangas* each, and some at five *tangas*, and children at two *tangas* each. But no treasure was found. As for the big city, they failed to take it.

From Gulbarga I went to Kulur[81], and that is where cornelian is mined and worked, and sent to all parts of the world. Three hundred diamond-workers live at Kulur; they embellish weapons. And I stayed there for five months, and went thence to Golconda[82], which has a very large market. And thence I went to Gulbarga, and from Gulbarga to Sheik Ala-uddin, and from Sheik Ala-uddin to Kamendria, and from Kamendria to Kynarias, and from Kynarias to Suri; and from Suri I went to Dabhol, a harbour on the great Indian Sea.

Dabhol is a very large city, and people from the whole coast of India and Ethiopia come together there. And there I, Afanasy, a damned servant of Almighty God, Maker of heaven and earth, pondered over the Christian faith, the Baptism of Christ, the fasts established by the Holy Fathers, and the apostolic commandments, and I longed to go to Rus. And having boarded a *dabba* and struck a bargain on the fare, I paid two gold pieces for the passage to Hormuz.

I boarded the ship at Dabhol three months before Easter Day—the Moslem Fast. And I sailed on the *dabba* across the sea for a month, seeing nothing, and it was not until the second month that I sighted the mountains of Ethiopia. Then all those on board exclaimed: "O God, it seems that we are doomed to perish here!".

And I spent five days in the land of Ethiopia. By the mercy of God, no evil befell us; we distributed much rice and pepper and loaves of bread among the Ethiopians, and they did not plunder the ships. Thence I sailed in 12 days to Muscat, and there kept my sixth Easter. And I sailed to Hormuz in nine days, and spent 20 days there. From Hormuz I journeyed to Lar, and spent three days there. From Lar I journeyed to Shiraz[83] in 12 days, and spent seven days there. And from Shiraz I journeyed

to Aberkuh[84] in 15 days, and spent 10 days there. And from Aberkuh I journeyed to Yezd in nine days, and spent eight days there. And from Yezd I journeyed to Isfahan[85] in five days, and spent six days there. And from Isfahan I journeyed to Kashan, and stayed for five days there. And from Kashan I journeyed to Kum[86], and from Kum to Savah[87]. And from Savah I journeyed to Sultaniya[88]. And from Sultaniya I journeyed to Tabriz[89]. And from Tabriz I went to Hasan Beg's[90] camp, and stayed for 10 days there, because I could not continue my journey. Hasan Beg had despatched an army of 40,000 against the Turkish [Sultan], and they took Sivas; they also took and burnt Tokat[91], took Amasya[92], and sacked many villages. And fighting, the army marched on Karaman[93]. And from the camp I journeyed to Erzincan[94], and from Erzincan to Trebizond[95].

And I arrived at Trebizond on the day of the Intercession of the Holy Mother of God, and stayed there for five days. And having boarded a ship, I struck a bargain on the fare—one gold piece for the passage to Kaffa[96]; and I was to pay a toll of one gold piece at Kaffa.

At Trebizond the *Subaşı*[97] and the Pasha caused me much harm; they took all my luggage to their town on the mountain, and searched it thoroughly; they stole all the fine things that they found while seeking for papers, for I had come from Hasan Beg's camp.

By the mercy of God, I reached the third sea, the Black Sea, or Sea of Stambul in Persian. It took me five days to sail with a fair wind to Vonada[98], but there a strong northerly wind stopped us, and made us turn back to Trebizond. And we lay at anchor at Platana[99] for 15 days because of the strong and fierce wind. We put to sea from Platana twice, but the fierce wind checked us. O God! I had nearly crossed the sea when the wind drove us to Balaklava[100], and thence to Gurzuf[101], where we lay at anchor for five days.

By the mercy of God, I arrived at Kaffa nine days before the Fast of Advent. O God, my Creator! By the mercy of God, I have crossed three seas. The rest God alone knows, God the Protector alone wot.

NOTES

[1] Sea of Derbent, or Sea of Khwalis, the Caspian Sea.

[2] Indian Sea, or Sea of Hindustan, the Indian Ocean.

[3] Sea of Stambul, the Black Sea.

[4] The Golden-Domed Cathedral of the Redeemer, a cathedral in Tver (now Kalinin). The stone cathedral which Nikitin mentions here was built in the late 12th century.

[5] Mikhail Borisovich, Grand Duke of Tver (1461—1485).

[6] Gennady, Bishop of Tver.

[7] Monastery of the Holy Trinity, a monastery in the town of Kalyazin, founded by Father-Superior Macarius, whom Nikitin went to see.

[8] The reference is to one of the churches of the Kalyazin Monastery, named after Boris and Gleb, sons of St. Vladimir, Grand Duke of Kiev, who were canonised by the Russian Church.

[9] Nikitin refers to Ivan III Vasilyevich.

[10] Vasily Papin was the ambassador sent by Ivan III to the court of Farrukh Yasar, Shah of Shirvan, a north-western region of Azerbaijan.

[11] Sarai, capital of the Golden Horde.

[12] Berekezan, a settlement in the Volga delta, north of Astrakhan.

[13] Buzan, a branch of the lower Volga, running into the Akhtuba.

[14] Khan Kasim, the first Khan of Astrakhan (from 1466).

[15] Bugun, a shoal in the mouth of the Volga.

[16] Derbent, a town on the west coast of the Caspian, known since the 6th century.

[17] Tarki, or Tarkhu, was a fortress on the Daghestan coast of the Caspian Sea.

[18] The Kaitaks inhabited a region and principality of that name in western Daghestan, to the north-west of Derbent.

[19] Shemakha, a town in Shirvan, now a district centre of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic.

[20] Chapąkur, a village in Mazanderan, on the south coast of the Caspian.

[21] Sari, a town 15 miles to the south of the Caspian. It lies in the North Iranian

region of Mazanderan, a narrow strip of land between the south coast of the Caspian and the Elburz Range.

[22] Amul, the largest town in Mazanderan.

[23] Demavend, a mountain massif and peak, the highest point of the Elburz Range (18,381 ft.).

[24] Rai, one of the greatest cities of medieval Iran. Its ruins lie five miles to the south-east of Teheran.

[25] Kashan, Nain, Sirjan and Tarum, Iranian towns.

[26] *Batman,* a weight varying locally.

[27] Lar, a town in southern Iran. Nikitin visited it twice.

[28] By "Bandar" (lit., *harbour*) Nikitin means Old Hormuz (see next note).

[29] Hormuz is an island and old seaport in the Persian Gulf. Old Hormuz stood on the coast.

[30] *Dabba,* local name of a sea-going ship of that period.

[31] Muscat, seaport on the Oman coast of Arabia.

[32] It is not clear what place Nikitin calls "Dega." Perhaps he refers to Diu (Dvipa), a port near the Kathiawar peninsula, western India.

[33] Cambay, a port on a gulf of the same name.

[34] Chaul, a harbour on the Malabar coast, south of Bombay.

[35] Pali, a town to the east of Chaul.

[36] Junnar, a town to the east of Bombay.

[37] Asad Khan, probably the Governor of Junnar under Muhammad Shah III. A Moslem state ruled by the Bahmani Dynasty was established in the Deccan in the mid-14th century. At the time of Nikitin's stay in India, the Bahmani throne was held by Muhammad Shah III. But the virtual ruler was, on behalf of the Shah, his Minister, or Vizier, Muhammad Gavan, who bore the title of *Malik-at-Tujjâr* (lit., *King of Merchants*). Nikitin uses it throughout instead of the Minister's real name.

[38] *Kâfir* ("unbeliever") was the term applied by the Moslem conquerors to non-Moslems. Nikitin uses it with reference to Hindus only.

[39] Khorassan, a region in north-east Iran. In the Middle Ages it was considered to extend from the Desht-i-Kavir Desert in the west to the River Amu Darya and the Badakhshan Mountains in the east, and from the Kara Kum Desert in the north to the Hindu Kush Range and the Seistan Region in the south.

[40] Jagatai, name applied to Central Asia from the 13th to the 15th century.

[41] *Tatna*, a plant from which a heady beverage was made in India.

[42] *Khichrî*, an Indian dish of rice, with ghee and seasoning.

[43] Bidar, a town on the Deccan Plateau, 62 miles to the north-west of Hyderabad. Kulungir and Gulbarga are also Deccan towns.

[44] *Kos* is a measure of distance, varying locally. Nikitin holds one kos to average 10 versts ($6^1/_2$ miles).

[45] Alland, a town 28 miles to the north-east of Gulbarga.

[46] Feast of the Intercession of the Holy Mother of God, October 1st.

[47] Actually Bidar was only the capital of the Bahmanids and not of the whole of Moslem India.

[48] Melik Khan and Farkhad Khan were generals under Muhammad Shah III, the Bahmanid ruler.

[49] In the Orthodox Church, the Fast of Advent lasts from November 14th to December 24th.

[50] Khoja Yusuf Khorassani, the Moslem name assumed by Nikitin.

[51] *But*, an idol.

[52] Nikitin probably means the numerous sects and ramifications of Hinduism.

[53] Parvat, a group of temples on the right bank of the Kistna, 108 miles to the south-east of Hyderabad.

[54] *Sheshkani*, a small silver coin.

[55] The comparison refers to the pose of the equestrian statue of the Byzantine emperor Justinian.

[56] *Ulu Bayram* (lit., "Great Feast"), one of the two principal Moslem feasts.

[57] In the 15th century Dabhol was an important trading port on the Malabar coast, 85 miles to the south of Bombay.

[58] In the 13th and 14th centuries Calicut was a famous seaport on the Malabar coast of India.

[59] It is not clear what country Nikitin means by "Shabait."

[60] Pegu, a region in southern Burma, on the lower Irrawaddy.

[61] Chin and Machin, names usually applied to China by Moslem peoples in the Middle Ages. Nikitin uses them for South China.

[62] By "Cathay" Nikitin means North China.

[63] *Alacha,* a Persian fabric of twisted silk and cotton threads.

[64] *Adrak,* a kind of ginger.

[65] "High mountain," Adam's Peak in Ceylon, where there is a depression shaped like a huge human footprint. According to one legend, it was left by Adam.

[66] *Tanga,* a silver coin varying locally in weight and value.

[67] Raichur, a town to the south-west of Hyderabad.

[68] *Pochka,* an old Russian weight for precious stones, about 10 carats.

[69] *Kani,* a small coin, $^1/_{64}$ of a *tanga* (see note 66).

[70] It is not clear what town Nikitin refers to by "Kain."

[71] *Sagadak,* complete equipment of a mounted soldier.

[72] Bahrein, a group of islands in the Persian Gulf.

[73] Jidda, an Arabian harbour on the Red Sea.

[74] Gilan, a region in north-west Iran.

[75] Homs, ancient Emesa, a town in Syria.

[76] Sivas, *Gr.* Sebaste, a town on the River Kizil Irmak, in the eastern part of Asia Minor.

[77] Walachia, old name of Rumania.

[78] Podolia, a Russian region on the upper Dniester.

[79] Vijayanagar, a big city in South India, one-time capital of a large feudal state.

[80] *Autonomos* (*Gr.* "autocrat"), a term apparently referring to the ruler of Vijayanagar.

[81] Kulur, a diamond mine in the Raichur area, south-west of Hyderabad.

82 Golconda, a town to the south-east of Gulbarga.

83 Shiraz, main town of the South Iranian region of Fars.

84 Aberkuh, a town in northern Fars, to the south-west of Yezd.

85 Isfahan, a town in central Iran.

86 Kum, an Iranian town to the south of Teheran.

87 Savah, a town to the north-west of Kum, Iran.

88 Sultaniya, a town in northern Iran, on the road linking Tabriz to the capital.

89 Tabriz, a town in Iranian Azerbaijan.

90 Hasan Beg headed a confederation of Turkoman Ak Koyunlu ("White Ram") tribes.

91 Tokat, a town to the north of Sivas, Asia Minor.

92 Amasya, a town on the River Yeşil Irmak, to the north-west of Sivas (see note 76).

93 Karaman, a Turkoman state in the south-eastern part of Asia Minor. It existed from the 13th to the 15th century.

94 Erzincan, a town in the Armenian uplands, to the east of Sivas.

95 Trebizond, a town on the south coast of the Black Sea.

96 Kaffa, present-day Feodosia (Theodosia), a seaport town on the south coast of the Crimea.

97 *Subaşi*, a feudal lord and military leader in Ottoman Turkey.

98 Vonada, a cape on the south coast of the Black Sea, west of Trebizond.

99 Platana, a small town and harbour on the south coast of the Black Sea.

100 Balaklava, a port on the south-west coast of the Crimea.

101 Gurzuf, a settlement (now a health resort) on the south coast of the Crimea.

AFTERWORD

Vast distances and the highest mountain ranges in the world separate the Soviet Union from India. But from of old the peoples of the two great countries have lived in friendship, showing a keen interest in each other. More than once over the centuries Russian travellers, scientists, writers and artists have visited the far-away southern country washed by the warm waters of the Indian Ocean. And we find many a heart-felt comment, full of sympathy for India and her people, in their diaries and recollections.

Afanasy Nikitin was the first Russian to reach India.

The noted traveller was born in Tver (now Kalinin), an old Russian town situated where two small rivers, the Tvertsa and the Tmaka, join the Volga. It is first mentioned in the chronicles of the early 13th century. In the latter half of the 15th century the town was the capital of the sovereign Principality of Tver, one of the numerous independent principalities into which Rus was divided in those days. Few Russian towns could vie with it in population or wealth. Nor did it lose its importance as a major trading centre when, in the late 15th century, it became part of the centralised Russian state.

There was little in the outward appearance of Tver to distinguish it from other Russian towns. Its central part was taken up by a kremlin, or citadel, where the Golden-Domed Cathedral of the Redeemer, the Prince's palace, the houses of his retainers, and other buildings stood. Outside the kremlin walls lived traders, handicraftsmen and other townspeople. There was also an arcade there, where visiting merchants put their goods on sale.

The more enterprising of the Tver merchants engaged in foreign trade. In the 15th century Russian merchants were frequent visitors to the West European, Middle Eastern and Central Asian markets. Afanasy Nikitin, too, seems to have travelled far and wide, for in his notes he compares Rus to the Crimea, Georgia, Turkey, Walachia and Podolia as someone well familiar with those regions.

One day Hasan Beg, Ambassador of the ruler of the Khanate of Shirvan, arrived at the court of Ivan III, Grand Duke of Muscovy. He brought valuable gifts with him. Ivan III sent his own ambassador, Vasily Papin of Tver, to the court of Shirvan. Hearing of this, Nikitin and some other merchants set out for Shirvan to trade there. They sailed down the Volga on two ships. And thus began a great voyage whose story has come down to us as recorded by Nikitin and published in this book.

After many dramatic adventures Nikitin found himself in Baku. From there he set out across the whole of Persia for the seaport town of Hormuz, one of the biggest trading centres of the East. The description of the journey through Persia is extremely laconic, Nikitin confining himself to little more than a list of the places which he chanced to visit on his way. His notes on the voyage from Hormuz on are more detailed and colourful.

While in Persia, Nikitin heard that no horses were bred in India and that they were therefore very expensive in that country, or so rumour had it. This led him to decide on a voyage to India. He bought a horse and with it boarded a *dabba*, a small sea-going ship. He sailed to the coast of Hindustan, hoping to sell his horse there and to buy goods that were sought after in Rus. It took a man of great courage to venture on a voyage across the stormy Indian Ocean aboard so frail a craft. Six weeks later the *dabba* carrying Nikitin put in at Chaul, on the Malabar coast of India. "And that is where the land of India lies," Nikitin recorded in his journal.

Nikitin's description of what he saw in India is striking evidence of his gift of keen observation and his ability to discern the typical aspects of the way of life of a people he had never known before. He not only kept a strict account of facts, but also analysed them, drawing interesting parallels.

India in the mid-15th century consisted of independent Hindu and Moslem states. The earliest Moslem conquests in India date from the 7th century. In subsequent centuries Moslem invasions became more and more frequent, and the 14th century saw the rise of a number of Moslem principalities in the Deccan. The most powerful of them was the Bahmanid state, which comprised four regions and had Gulbarga for its capital. Within a hundred years of their accession to power, the Bahmanids had doubled their possessions, and the seat of government was transferred to Bidar. They held a large territory in the central and western areas of the Deccan Plateau, on the Hindustan peninsula, inhabited by numerous peoples speaking different languages, such as Marathi, Telugu, etc. Persian, however, was the official language, used also by a substantial section of the Moslem immigrants. Ethnic variety was combined with religious distinctions. Most inhabitants professed Hinduism; the Moslems, who belonged mainly to the upper crust of society, were a minority. The Bahmanids waged continuous wars against the neighbouring Hindu states, of which Vijayanagar, situated in the southern part of Hindustan, was their chief rival.

During his wanderings in India Nikitin saw many towns and villages of that great country. He visited seaports on the west coast, crossed the Ghats and reached the heart of the Deccan Plateau. His notes tell us about Junnar and Gulbarga, Bidar and Golconda, the market in Alland and the diamond mine at Raichur, the temples of Parvat and the fortress of Vijayanagar. They also furnish information on places which he did not visit, such as Ceylon, Pegu, etc., but which he knew about from what others had told him.

No aspect of life in India, no detail worthy of note, escaped Nikitin's attention. His notes describe the outward appearance of Indians, their clothing and food, the cost of living, rites, customs, caste distinctions and interrelations, legends, and so on. He recorded everything with a dispassionate pen, making, however, interesting comments. He gives a detailed description of the Sultan's solemn processions, of his untold riches and dazzling splendour. On the other hand, he was the only traveller of that time who saw the shady side of the opulence and fabulous luxury of the life led by the Sultan and his courtiers. "The countrymen are very poor, but the boyars are rich and live in luxury," we read in the notes. This alone places him above many other authors who have described 15th-century India.

Nikitin's stay in India coincided with a great campaign which Muhammad III, the Bahmanid Sultan, launched against Vijayanagar. The campaign, which entailed enormous expenditure and took a heavy toll of human lives, failed after the initial successes and the exhausting siege of the fortress of Vijayanagar. It virtually marked the beginning of the decline of the Bahmanid empire, which at the turn of the 15th and 16th centuries disintegrated into five independent feudal states. The evidence supplied by an eyewitness such as Nikitin is most valuable because it amends much of what has reached us in the way of descriptions of the events of those days. Our knowledge of the past of India, which in the 15th and 16th centuries had no historical records, is gleaned only from the writings of Moslem scholars, which leave out facts showing the Moslem conquerors at a disadvantage. Nikitin was the only chronicler who recorded events of the Bahmanids' abortive war against Vijayanagar.

Nikitin spent almost three years in India. But his love of his homeland urged him back to Rus, to his own people. "May God protect the Russian land! There is no land in the world like it, although the boyars in the Russian land are unjust. May the Russian land be well-ordered, and may there be justice there." These lines indicate Nikitin's deep patriotism, and show him as a man whose views were highly progressive for his time.

It took Nikitin many long months to make his way to the port of Dabhol on the Malabar coast, from where he left for his own country. His homeward route lay through Muscat and Hormuz, across Persia to Asia Minor, and from there to the Crimean port of Kaffa (modern Feodosia), where there was a large Russian inn. He never reached his home town of Tver, however; according to a chronicler, he died before reaching Smolensk.

That is how Afanasy Nikitin's "voyage beyond three seas" ended. His notes, written it the 15th century, or almost 500 years ago, still appeal to and excite us. They stimulate us by the frankness and sincerity of the writer's comments, and amaze us by the abundance of enlightening data on the Indians' way of life. They show the sources of Russian-Indian friendship, and are a testimonial of the depth of that friendship.

СОДЕРЖАНИЕ

Хожение за три моря Афанасия Никитина

(Факсимиле рукописи из Троицкой летописи)

Стр.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Суперобложка, форзац, титульный и шмуцтитульный листы, заставки, буквицы и концовки художника *Б. М. НЕМТИНОВА*

Составитель книги

И. Г. ВЕРИТЭ

Перевод на современный русский язык

Н. С. ЧАЕВА

Перевод на язык хинди

ЯШВАНТА УМРАНИКАРА

Перевод на английский язык

С. З. АПРЕСЯНА

Послесловие

М. Н. ВИТАШЕВСКОЙ и С. Н. КУМКЕСА

АФАНАСИЙ НИКИТИН

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Редактор книги С. Н. КУМКЕС
Редактор перевода на язык хинди М. К. АРБАКОВ
Редактор перевода на английский язык ДЖОРДЖ ХАННА
Художественный редактор И. Р. БЕСКИН
Технический редактор Д. А. ГЛЕЙХ
Редактор карты Г. Н. МАЛЬЧЕВСКИЙ
Корректор З. А. ЛОГИНОВА
Корректор перевода на язык хинди Л. Д. АГИШЕВА

●

Печать и формы Московской печатной ф-ки Гознака
Министерства финансов СССР

В изготовлении офсетных форм участвовали:
Фотографы — *Титова А. Н., Дормидонтова О. Н.*
Ретушеры — *Балашева Л. Н., Клепикова Г. С., Оглодков В. С., Успенский Е. В., Ковалев А. Н., Калиновская Н. Н., Киреева М. Е., Иванникова А. В.*
Печатники-пробисты — *Голятин А. П., Акимов А. А.*
Копировщики — *Чекмарев А. И., Молеков А. М.*
Под руководством нач. цеха *Курганова Л. С.*

Печать тиража произвели: печатники — *Жбаков В. А., Раев С. В., Колесников Е. В., Алексеев Л. В., Сорокин И. Е., Ходаков С. М.*
Под руководством нач. цеха *Ковалева А. Н.*

Набирали книгу: наборщики — *Холенкова Е. Г., Савина З. Г.*

Технологическая разработка произведена технологом *Николаевой Е. С.*
Под общим руководством гл. инженера *Люледжана П. А.*

Текст на языке хинди набран в 3-й Московской типографии „Искра Революции"
Мосгорсовнархоза.

Наборщики — *Сошникова А. И., Кривошеина Н. И.*

Т-06898. Сдано в производство 22/IV 1959 г. Подписано в печать 6/VII 1959 г.
Формат $62 \times 94^1/_8$. Печатных листов 16,5, вкл. 8+1 тетрадь вкладок. Условных листов 16,5.
Издательских листов 18,5. Тираж 10 000. Цена с переплетом 90 руб.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Моск. печ. ф-ка Гознака
Арсеньевский пер., 27
Зак. 13689